ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ УЗБЕКСКОЙ ССР

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ СРЕДНИХ ШКОЛ УЗБЕКСКОЙ ССР

ВЫПУСК II

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ГОСИЗДАТ УзССР
ТАШКЕНТ — 1942

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ УЗБЕКСКОЙ ССР

EB_1942_AKS_818

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ СРЕДНИХ ШКОЛ УЗБЕКСКОЙ ССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ЧЛЕНОВ-КОРРЕСПОНДЕНТОВ АКАДЕМИИ НАУК СССР
Е. А. КОСМИНСКОГО, А. М. ПАНКРАТОВОЙ, А. Д. УДАЛЬЦОВА

ВЫПУСК II

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СССР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УзССР
ТАШКЕНТ — 1942

В составлении выпуска принимали участие:
Е. А. Косминский, М. М. Смирин, С. П. Толстов, А. Д. Удальцов.

ВВЕДЕНИЕ

Проходя с учащимися историю средних веков, преподаватель должен возможно теснее связать свою работу с вопросами, которые ставит перед детьми Великая Отечественная война и борьба свободолюбивых народов с германо-фашистской агрессией. Преподаватель должен зажечь в учащихся патриотизм, веру в победу правого дела и ненависть к жестоким и коварным насильникам, топчущим лучшие культурные ценности человечества, заливающим землю кровью мирного населения, стремящимся возродить самые худшие и тяжелые формы рабства и крепостничества. Для этого история средних веков дает обильный материал. В то же время учитель должен показать вздорность и нелепость фашистских „теорий" о расовом превосходстве немцев, как якобы представителей высшей „нордической", или „северной расы", „расы господ и повелителей", и о неполноценности других „рас", особенно славян, годных будто бы быть лишь рабами немцев. Учителю нет необходимости излагать учащимся подробно сущность „расистских" измышлений. Достаточно указать лишь на эту основную установку фашистских писак. Учитель должен помнить, что средневековье представляет излюбленный фашистами период истории. При этом их привлекает в этом периоде не то, что было в нем прогрессивного, что ставило его выше рабовладельческой античности, не то, что заключало в себе зерна дальнейшего развития, а всё темное, застойное, мракобесное, жестокое. Фашисты идеализируют грубую воинственность средневековых рыцарей, их беспощадность с побежденными, их насилия, видя в этом проявление истинного „нордического", „германского духа". Они восхваляют крепостное право, когда одни были „прирожденными господами", а другие—„прирожденными слугами", обязанными всю жизнь в поте лица работать на господ. Они прославляют жестокость, казни и пытки средневековья, они скорбят, что оставлен древний германский обычай убивать слабых детей. Они восхваляют невежество, суеверия и умственный застой. Они ненавидят Возрождение с провозглашенными им принципами гуманности и свободы человеческой личности. Они пенятся от злости при самих словах: прогресс, гуманность, культура. Словом, в средних веках их привлекает та варварская дикость, от которой человечество освобождалось в течение средних веков и которую они хотят возродить в настоящее время. В противоположность этому грубому, злобному человеконенавистническому

искажению истории, учитель должен выставить понимание средних веков как периода прогрессивного развития человечества, переходящего постепенно на высшую ступень; он должен подчеркнуть в средних веках процесс постепенного освобождения человека от слепого подчинения силам природы, от власти церкви и суеверия, от рабской зависимости от господ. Учитель должен показать, что фашисты желают взять и берут у прошлого всё самое темное, жуткое, жестокое, и противопоставить этому победоносное шествие человечества к высшим идеалам культуры, гуманности, справедливости, свободы, во имя которых в настоящее время всё свободолюбивое человечество с Советским Союзом во главе ведет великую освободительную борьбу с фашистскими гадами. При прохождении курса учитель должен постоянно подчеркивать различие между справедливыми и несправедливыми войнами, вызывать у учащихся ненависть к насильникам, ведущим несправедливые войны, и сочувствие к народам, героически отстаивающим свою свободу в войнах справедливых. Вообще, учитель должен в бóльшей степени, чем это делалось раньше, останавливаться на вопросах военной истории, на вооружении, тактике, описании сражений, на характеристике выдающихся полководцев. Всё это позволит ему приблизить излагаемый материал к запросам текущего времени и к тем темам, которые всего больше волнуют в настоящее время учащихся. В сущности весь материал учебника истории средних веков может быть использован учителем для этих целей. Надо только в бóльшей степени, чем это было сделано в учебнике, подчеркивать только что указанные стороны истории средних веков. В помощь учителю дается, кроме того, дополнительный материал по некоторым темам, представляющим особую важность в условиях Великой Отечественной войны. Такова тема о германцах и славянах и о падении Римской империи. Учитель должен показать ложность измышлений фашистов об исторической неравноценности германцев и славян. И те и другие сыграли аналогичную роль в падении рабовладельческого античного мира: одни — на Западе, другие — на Востоке. В одинаковой мере участвовали они в создании нового феодального мира. Разница лишь в том, что варвары-германцы разрушили античную культуру вместе с Западной Римской империей, а варвары-славяне на Востоке обновили общественный строй Византии без разрушения Восточно-римского государства и его культуры. Здесь уместно указать, что, называя современных германских фашистов „варварами“, мы несправедливы по отношению к варварам. Варвары раннего средневековья разрушили рабовладельческую империю, положили начало новому периоду в истории человечества, для которого характерны несколько более мягкие формы эксплоатации и который открыл возможность прогрессивного развития для народов Европы. Фашистские же „варвары“ хотят вернуться к рабовладельческой империи, восстановить худшие формы

эксплоатации, повергнуть человечество в безысходный мрак. „Варварами" они являются лишь в смысле их жестокости и разрушения ими культурных ценностей, но варвары раннего средневековья делали это бессознательно, фашисты же творят свои зверства и разрушают величайшие культурные ценности человечества сознательно и систематически. Этим „вандализм" германо-фашистских орд отличается от дикости вандалов. Особого внимания заслуживает тема о ранней истории славянских государств. Она должна опровергнуть нелепое фашистское измышление о неспособности славян к государственной жизни, которую будто бы создает только высшая „нордическая" раса. Характеристика европейской и азиатской культуры в раннее средневековье должна окончательно рассеять нелепую фашистскую теорию о превосходстве „нордической" расы над другими, особенно неевропейскими, показав, насколько в это время Восток в культурном отношении стоял выше Запада, как много Западу приходилось учиться у Востока. В этой связи учитель должен внимательно остановиться на разделах, посвященных культуре арабов, а также культуре Китая при Танской и Сунской империях.

При прохождении раздела, посвященного империи Карла Великого[1] надо иметь в виду, что фашистские историки не спелись между собой в оценке его деятельности. Некоторые из них оценивают личность и деятельность Карла резко отрицательно. „Его империя не была немецкой „национальной" империей,— говорят они,— в этом ее основной порок". Ему не могут простить войн с саксами, которых „расисты" считают самыми чистыми представителями „нордической" (северной) расы, а еще более ставят ему в вину то, что он вел эти войны в союзе со славянами-бодричами. В противовес ему на все лады превозносится саксонский герцог Видукинд, организовавший сопротивление саксов Карлу в 778—785 гг. Видукинду ставят памятники, ему посвящают стихотворения, в честь его пишется множество лживых и бездарных драм. В нем прославляют „истинно немецкого" героя, противопоставляя его Карлу, за которым фашисты не хотят признать имени „Великий", называя его „Карл Франкский". При этом фашистские писаки стараются забыть, что их „герой" Видукинд очень неблаговидно закончил свою карьеру, приняв крещение, отрекшись от любезных фашистам древнегерманских богов и получив от Карла богатые дары. Видукинд ценой своей измены саксам купил у Карла его благоволение и блестящую карьеру для своего потомства. Забывают охотно и о том, что саксы в борьбе с Карлом пользовались помощью другого славянского племени — сорбов. Конечно, борьба Карла с саксами и с некоторыми славянскими племенами не имела ничего общего

---

[1] История средних веков, учебник для 6—7 классов средней школы, под редакцией проф. *Е. А. Косминского*, Учпедгиз, Наркомпрос РСФСР, М., 1941, гл. II. § 3, стр. 15.

ни с „расовой“, ни даже с „национальной“ политикой, поскольку тогда еще далеко не сложились национальности. Все эти грубые искажения, вносимые фашистскими „историками“, имеют целью представить историю как борьбу „рас“, чтобы затемнить ее смысл как борьбы классов. Войны Карла в действительности ставили себе целью захват земель для наделения франкских феодалов и подчинения людей для превращения их в крепостных этих феодалов. Некоторые фашисты (например Розенберг) уверяют, что Карл и по расовым признакам не был настоящим „нордическим“ немцем. Об этом будто бы свидетельствует его короткая шея, круглая голова и толстый живот. Впрочем, любопытно, что другие фашистские „ученые“ в закругленном черепе Карла склонны видеть доказательство его „нордического“ происхождения.

Всё же многие фашистские историки не хотят упустить возможности использовать славу Карла для возвеличения германской „расы“, его не хотят уступить французам, которые тоже желают сделать из него своего „национального“ героя. Карл привлекает некоторых фашистских историков как основатель большой империи, охватившей большую часть Западной Европы. Еще больше любезен он им как якобы основоположник „натиска на Восток“, в котором фашисты видят главное историческое призвание Германии. Целая группа фашистских историков выпустила в 1936 г. сборник, в котором старалась уверить почтеннейшую публику, что Карл — немец по всем статьям, а никак не француз! Весь этот спор — образец нелепой путаницы понятий у фашистских фальсификаторов истории. Что касается роли Карла в „натиске на Восток“, то совершенно ясно, что этот „натиск“ производился в гораздо бо́льшей степени за счет германских — саксонских племен, чем за счет славян. Успехи Карла в борьбе со славянами были весьма скромны. Его влияние распространялось лишь на ближайшие пограничные племена, но при его преемниках славяне вернули себе независимость от ослабевшего и распавшегося Франкского государства.

Проходя историю крестовых походов, учитель должен разъяснить смысл так часто употребляющегося термина „крестовый поход против СССР“, в который Гитлер хотел вовлечь народы Европы и Америки. Учитель должен сказать при этом о позорном провале гитлеровского плана, о том, что в настоящее время все свободолюбивые народы объединились в общей войне против гитлеризма. В то же время учитель покажет, что крестовые походы, о которых так часто твердят враги СССР, в сущности не вдохновлялись какими-либо высокими принципами, а представляли грубейшую агрессию с целью грабежа и захвата чужих земель и являются примером войн несправедливых. Во время крестовых походов столкнулись восточная и западная культуры, причем первая оказалась много выше второй: Западу пришлось многому учиться у Востока.

Много материала для уяснения гнилой фашистской идеологии и несостоятельности фашистских агрессивных планов дает история средневековой Германской империи (так называемой „Священной Римской империи"). Гитлер связывает свою „Третью империю" с этой „Первой" (считая „Второй" империю Гогенцоллернов 1871—1918 гг.). Бесславная история и жалкий конец попыток германских императоров поработить Италию и утвердить господство над Европой представляют живейшую аналогию нелепым и кровавым затеям людоеда Гитлера.

При прохождении истории Франции в XII—XV веках важно остановиться на героической борьбе французского народа против агрессоров во время Столетней войны и особенно на фигуре крестьянской девушки Жанны д'Арк как наиболее яркой выразительнице патриотического подъема, охватившего тогда французский народ и особенно крестьянство. Важно отметить, что образ Жанны д'Арк жив и в настоящее время во французском народе, преданном своим изменническим правительством, но готовом стать на борьбу вместе со всеми свободолюбивыми народами мира.

При изложении истории Англии необходимо в первую очередь обратить внимание на развитие в этой стране традиций политической свободы. Уже в средние века появляются учреждения, гарантирующие эту свободу — сначала для немногих. Великая хартия вольностей и происхождение парламента являются здесь центральными темами. Важно в дальнейшем показать демократизацию политического строя Англии и, в частности, ту роль, которую сыграла в этом процессе революция XVII века. Учитель должен подчеркнуть резкое различие между странами, в которых имеются элементарные демократические свободы, и странами фашистскими, где эти свободы начисто упразднены.

Испанская реконкиста даст учителю возможность показать учащимся героическую народную борьбу за освобождение страны от иноземного ига. Но испанский народ попадает под иго феодалов, деспотического правительства, невежественного и фанатического духовенства, страшной инквизиции, напоминающей своими приемами фашистское гестапо.

Одной из центральных тем курса должна стать тема о германской агрессии на Восток в XII—XV веках. Учитель должен показать свирепые, кровавые и в то же время подло предательские методы этой агрессии и ее позорный конец в XV веке и подчеркнуть, что Гитлер связывает свои планы „натиска на Восток" с этой мрачнейшей и позорнейшей страницей в истории Европы. Много материала извлечет учитель из истории победоносной борьбы чешского народа с немцами в XV веке. Здесь особенный интерес представят методы этой борьбы, являющиеся приспособлением средств партизанской, крестьянской войны к целям большой войны.

История нидерландской революции даст учителю возмож-

ность показать примеры жесточайшего угнетения подчиненных народов, террористического подавления их стремлений к национальной независимости, разнузданной жестокости солдатчины, „лично заинтересованной" в разорении и разграблении оккупированной страны. На этих примерах можно показать, как германский фашизм унаследовал от прошлого всё самое гнусное, подлое и жестокое, и как он еще во много раз увеличил это страшное наследие. Здесь же можно показать примеры героической борьбы Нидерландов — народов теперешних Бельгии и Голландии — за свою свободу и указать, что эта борьба стала их национальной традицией. Постоянные случаи саботажа и диверсии против свирепого угнетателя в этих странах являются порукой, что в них еще жив дух революции XVI века.

Английская революция XVII века представляет интерес как важнейший этап в развитии английской демократии. Особый интерес представляет военная история английской революции, история создания революционной армии, которая под руководством своего гениального вождя — великого полководца Кромвеля — идет от победы к победе и возносит международный престиж своего отечества на небывалую высоту.

Особое внимание учитель должен обратить на историю Пруссии в XVII—XVIII веках. Фашистские историки и политики восторгаются „прусским духом" — духом палки, казармы и канцелярщины. История Пруссии покажет глубокое моральное ничтожество руководителей Прусского государства, подлые и торгашеские приемы их политики, незначительность их военных успехов. Очень важно показать незаслуженность той славы, которой фашистские историки окружают ничтожную фигуру „великого Фридриха".

Ряд этих тем разработан в помощь учителю в предлагаемом выпуске. Кроме того, в дополнение к учебнику дан очерк истории Средней Азии, причем особое внимание обращено на борьбу среднеазиатских народов за свою независимость.

Как общее пособие ко всем темам по истории средневековья можно рекомендовать:

Маркс. Хронологические выписки, тетр. I—III („Архив Маркса и Энгельса", вып. V, VI, VII).

История средних веков. Учебник для вузов, т. I, под редакцией профессоров *А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского и О. Л. Вайнштейна,* 2 изд., ОГИЗ, 1941; т. II, под ред. *Сказкина* и *Вайнштейна,* 1939.

Хрестоматия по истории средних веков, под ред. *Грацианского* и *Сказкина,* т. I, 1939; т. II, ч. I и II, 1938.

Более подробные указания литературы приложены к отдельным темам.

1. ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ, ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ И ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Вопросы о древних германцах и древних славянах, о падении рабовладельческой Римской империи и о возникновении новой, феодальной Европы, в условиях войны свободолюбивых народов мира с гитлеровской Германией, приобрели особую актуальность. Пытаясь „обосновать" захватнические планы разбойнического немецкого империализма, фашистские лакеи от „науки" провозглашают якобы исконное превосходство немецкого народа над всеми другими народами мира, в том числе и над народами славянскими. Только немцы представляют собой „расу", предназначенную к господству, а славяне — это лишь масса рабов, неспособных к культуре, изначала предназначенных к порабощению „расой господ",— так фальсифицируют историю фашистские мракобесы. Между народами не существует равенства, они подчинены иерархии и, по мнению фашистских фальсификаторов, высшую ступень в этой иерархии занимает немецкий народ. „Человек славянской расы представляет собой переходную ступень от человека к животному. Он ближе к обезьяне, чем к человеку. Его нельзя назвать человеком в полном смысле слова" — вот до каких непомерных пошлостей договариваются прислужники фашизма.

Стремясь возвеличить немецкий народ в лице его предков, древних германцев, фашистские псевдоисторики всячески фальсифицируют общественный быт последних.

Согласно этой фальсификации древние германцы в массе своей на 90% принадлежали к высшей „нордической" (северной) расе; поэтому они вовсе не были варварами, но уже с древнейших времен отличались якобы высокой культурой, превосходившей уровень культуры современных им народов Европы.

У древних германцев искони существовала частная собственность на землю и крепкое своей связью с землею „крестьянское дворянство", бывшее привилегированным сословием воинов и эксплоатировавшее рабов; первобытно-общинного строя у них якобы никогда не существовало. Они отличались особой преданностью своим вождям, а своей воинственностью и храбростью превосходили другие народы мира. В силу этого своего превосходства людей высшей „расы", древние германцы и завоевали Римскую империю.

Всем этим бредням, ничего общего не имеющим с подлинной наукой, наша советская историческая наука, овладевая

всеми лучшими достижениями мировой науки, противопоставляет объективную картину исторического развития, освещая истинную роль в мировой истории и германцев, и славян, и других народов мира. История учит, что свою культуру человечество создавало дружными усилиями всех передовых народов и что любой народ, овладевший достижениями науки и техники, способен стать в первые ряды прогрессивного человечества и двигать далее мировую культуру в общей братской семье народов мира.

История учит, что древние германцы, предки современных немцев, англичан, норвежцев, шведов, датчан, австрийцев, голландцев и в значительной мере американцев, на заре своей истории ничем не отличались от прочих народов мира, прошли те же основные ступени общественного развития, как и все народы. Преподаватель истории и должен показать это учащимся на конкретном историческом материале[1].

Первоначально древние германцы были полукочевниками и занимались, главным образом, скотоводством и охотой, как и все племена, стоявшие на низкой ступени развития производительных сил, они еще мало занимались земледелием. Господствовал первобытно-общинный родовой строй, переживавшийся в свое время всеми народами мира. В это время еще не было общественных классов и эксплоатации человека человеком, возникающей позднее, чтобы затем окончательно исчезнуть по мере перехода человечества к социализму. Низкий уровень техники ставил первобытного человека, в том числе и древнего германца, в зависимость от сил природы и замедлял его дальнейшее развитие.

Преподаватель должен показать, как, на основе этого дальнейшего развития производительных сил, древние германцы перешли к высшей ступени варварства с зачатками классов, с родовой и военной знатью, с общими народными собраниями, с первыми „королями“, появлявшимися на основе военного предводительства и опиравшимися на свои дружины; как в то же время возрастало значение войны в жизни германских племен и учащались их набеги на границы Римской империи, в которых (набегах) отдельные германские племена начали объединяться друг с другом, привлекая в свои военные предприятия и своих соседей, предков современных славян.

Ту же картину общественного развития мы набюдаем и у древних славян[2], предков современных русских, украинцев, белоруссов, поляков, чехов, болгар, сербов. Подобно древним германцам, и они проходили первобытно-общинную стадию развития с родовым строем, с развивающейся княжеской властью и родовой знатью, с общими народными собраниями. Славяне, по свидетельству современных византийских писате-

---

[1] История средних веков. Учебник для средней школы, глава 1, стр. 5—6.

[2] История средних веков, учебник для средней школы, глава III, § 5, стр. 33—36, глава IV, § 3, стр 45.

лей, отличались способностью и храбростью, они быстро воспринимали византийскую культуру и византийскую военную технику.

С конца IV века начинается великое переселение народов. Оно привело к гибели рабовладельческую Римскую империю, ослабевшую от внутренней классовой борьбы. В переселении народов и в основании на территории империи ряда „варварских" государств приняли участие и германцы, и славяне, и тюрки, и различные племена Причерноморья. В качестве примеров можно указать на гуннов, основу которых составляли тюрки, образовавшие в Средней Европе свое обширное государство (Аттила), и на алано-вандальское государство, основанное германским племенем вандалов и причерноморскими аланами.

Если в падении Западной Римской империи преобладающую роль играли германцы, то в превращении Восточной Римской империи из рабовладельческой в феодальную и в основании на части ее территории новых государств руководящую роль играли славяне, отчасти в союзе с тюрками (болгары).

Все эти завоевания римских территорий германцами, славянами, тюрками и другими племенами облегчались революционными восстаниями рабов и колонов, вспыхивавшими в Римской империи почти непрерывно с III века н. э. и особенно участившимися во время великого переселения народов. Рабы и колоны боролись против непомерной эксплоатации их в загнивающей рабовладельческой империи и поддерживали варваров, выступавших против этой империи.

В результате вся Западная Римская империя была завоевана варварами; на ее развалинах образовался ряд новых государств: Вестготское — в Испании и южной Галлии, Алано-вандальское — в Северной Африке, Остготское, а затем Лангобардское — в Италии, ряд англо-саксонских государств — в Британии, Франкское государство — в Галлии, обширное быстро распавшееся Гуннское государство Аттилы — на землях от Верхнего Рейна до Волги.

В результате этих завоеваний и революций рабов и колонов изменился весь общественный строй в Западной Европе. Пало рабовладельчество; основу общества составило свободное крестьянство, жившее поземельными общинами-марками, принесенными варварами-завоевателями. „Между римским колоном и новым крепостным,— писал Энгельс о Франкском государстве,— стоит свободный франкский крестьянин". Дальнейший ход общественного развития в новых государствах Западной Европы и состоял в постепенном закрепощении этого свободного крестьянства, в росте крупного землевладения, в сложении феодального строя, основанного на эксплоатации крепостного труда.

Аналогично шел процесс образования феодальных крепостнических отношений и в Восточной Римской империи, получившей впоследствии название Византии. Ту роль, какую

играли при этом на Западе варвары-германцы, играли здесь, в Византии, славяне.

Восточно-римская или Византийская империя не была целиком завоевана варварами; лишь на севере Балканского полуострова в конце VII века образовались Болгарское и позднее Сербское государства, а значительная часть азиатских и африканских владений оказалась завоеванной арабами (VII век). Все же большая часть оставшихся в руках Византии земель, начиная с VI века, была колонизована славянами из-за Дуная. Они заселили почти весь Балканский полуостров, где до этого господствовали еще рабовладение и колонат, и составили здесь сильный слой свободного крестьянства, жившего своими свободными, поземельными общинами. Следовательно, и здесь, в Византии, как и на Западе, между римским колоном и новым крепостным стоял свободный славянский крестьянин.

Дальнейшее общественное развитие Византии сводилось к постепенному распаду этих свободных крестьянских общин, к росту крупного землевладения и образованию нового господствующего класса феодалов, „властелей", к закрепощению свободного крестьянства.

Таким образом, история учит нас, что древние германцы ни в чем не превосходили древних славян и других народов, выступивших на арену мировой истории на заре средневековья. Все эти народы выполнили аналогичную роль в падении старого рабовладельческого общества и в образовании нового, более прогрессивного феодального строя.

ЛИТЕРАТУРА

Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Соч., т. XVI, ч. 1.

Энгельс. К истории древних германцев, Соч., т. XVI, ч. 1. — Древние германцы. Сборник документов под ред. *А. Д. Удальцова.*

История средних веков. Учебник для вузов, под редакцией профессоров *А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского* и *О Л Вайнштейна*, т. 1, гл. 2 и 3, изд. 2 („Древние кельты, германцы и славяне", стр 23—47; „Варварские завоевания и революция рабов — образование варварских государств", стр. 48—68).

Левченко. Византия и славяне в VI—VII вв., „Вестник древней истории" № 4, 1938.

2. СЛАВЯНСКИЕ ГОСУДАРСТВА В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Отрицая в своих захватнических целях за славянскими народами всякую способность к самостоятельному созданию государств, приписывая создание государственного строя лишь немцам и немецким элементам, действующим якобы внутри „более низкой расы", какой они считают славян, фашистские мракобесы недооценивают роль славянства в жизни средневековой Европы.

Славянские племена в раннее средневековье (V — XI вв.) выделялись своей многочисленностью, занимая обширнейшую

территорию от Эльбы (Лабы) до Дона и Верхней и Средней Волги и от Балтийского моря до Черного, захватывая большую часть Балканского полуострова. Вся Восточная Германия к востоку от Эльбы, а отчасти и к западу от этой реки, была заселена славянами. Германия в раннее средневековье лежала гораздо западнее своих границ в XIX веке, не переходя на востоке на правый берег Эльбы. Лишь в результате упорной борьбы, используя разрозненность отдельных славянских племен, немецкие феодалы установили свое господство над частью западно-славянских племен.

Среди многочисленных славянских племен принято различать три основные группы: славян западных, восточных и южных.

Западные славяне заселяли земли в бассейнах рек Лабы (Эльбы), Одры (Одера) и Вислы. На Верхней Лабе жили чешские и моравские племена, по Висле и Одре — польские, по правым притокам Лабы — полабские славяне (сербы, лужичи, лютичи, бодричи и др.), а по южному берегу Балтийского моря (в позднейшей Померании) — славяне поморские.

К востоку от Западного Буга и Карпат жили племена восточных славян: волыняне (по Бугу), поляне, северяне, древляне, дреговичи, радимичи и вятичи (в бассейне Среднего и Верхнего Днепра и в верховьях Оки), а севернее их — кривичи и ильменские славяне. Южнее полян и волынян жили, достигая Дуная, племена тиверцев и уличей.

Племена южных славян жили: к югу от Дуная — болгары (смешавшиеся с ославянившимися тюрками), а к западу от них — сербы и хорваты. Кроме того, почти весь Балканский полуостров в пределах Византийской империи, начиная с VI века, был заселен славянами, потеснившими прежнее греческое население.

Уже рано, начиная с VII века, у славян начинают складываться государства: у западных славян — Богемское княжество Само, у южных славян — Болгарское государство. Еще раньше, в IV веке, известно крупное племенное объединение восточных славян (антов), ведших борьбу с готами; сохранилось и имя князя антов Божа, стоявшего во главе 70 племенных старейшин. В IX — X веках мы видим в Европе уже ряд крупных славянских государств: Великоморавское княжество с центром в Моравии, включавшее в свой состав племена моравян, чехов, словаков, полабских и паннонских славян; Болгарское царство к югу от Нижнего Дуная, объединившее славян и ославянившихся тюрок; кратковременно существовавшие в то время Сербское и Хорватское княжества; Киевское княжество по Среднему Днепру, преемник антских племенных объединений, распространившее свое господство на обширную территорию бассейнов Днепра и Днестра, Верхней Волги и Оки, Ильменя и Верхней Двины, и самостоятельное первоначально Новгородское княжество. Несколько позднее (X век) образуются государства: Чешское и Польское, а еще позднее,

уже в XII веке, окончательно складывается Сербское княжество. Славяне полабские и поморские долго сохраняли свой первобытно-общинный строй и свою раздробленность и в XII веке, несмотря на упорное сопротивление, были покорены и частью вытеснены немецкими феодалами.

История начала фальсифицироваться еще в раннее средневековье. Франкские летописцы никак не могли примириться с тем, что возникшее еще в VII веке в борьбе с аварами раннее славянское государство, Богемское княжество Само, успешно боролось с франками, нанося ряд поражений франкскому королю Дагоберту. Уже тогда была пущена в ход легенда о том, что Само был якобы не славянин, но франк, и в качестве купца пришел в Богемию, где и остался княжить; только франк, но никак не славянин, мог, по мнению тогдашних франкских „националистов", побеждать франков!

В постоянной борьбе с немецкой агрессией приходилось жить в IX веке и Великоморавскому княжеству, временами прибегавшему в этой борьбе к помощи Византии и болгар.

Для того, чтобы парализовать немецкое влияние, проводившееся немецким духовенством, князь моравский Ростислав стремился к тому, чтобы с помощью Византии основать в Моравии славянскую церковь с богослужением на славянском языке. Такая же славянская церковность установилась около этого же времени и в Болгарии. Но в начале X века Моравское княжество распалось в результате нападения венгров, которых натравили на славянское государство немецкие феодалы

Счастливее были два других западно-славянских государства: Чешское и Польское.

Первоначально чешские племена входили в состав Великоморавского княжества. Постепенно складывается единое Чешское княжество в непрерывной борьбе подымающейся княжеской власти со старой родоплеменной знатью (лехами) и вождями отдельных племен (воеводами), поднимавшими даже настоящие восстания против князей. Победила княжеская власть, опиравшаяся на свои обширные земельные владения и на княжескую дружину. Вместо племенной организации с племенными воеводами во главе отдельных племенных областей, вводится территориальное деление Чехии на „краи", с княжескими чиновниками во главе. Складывается на месте старой родовой аристократии новая военно-служилая знать. Чехия присоединяет к себе Моравию, ее князь получает в 1086 г. королевский титул и, наконец, в середине XII века Чехия окончательно превращается в королевство феодального типа, входившее в состав Германской империи, но пользовавшееся большой политической самостоятельностью.

К середине X века складывается в бассейне реки Вислы польский племенной союз, скоро превратившийся в государство. Племя полян, ранее других перешедшее к классовому строю и государственной организации, сумело покорить и объединить вокруг себя другие польские племена, а также и

соседние племена полабских (часть лютичей) и поморских славян. Князья полян сделались князьями всего Польского государства, признававшего первоначально свою зависимость от Германии, но вскоре при Болеславе Храбром (992—1025 гг.) добившегося полной самостоятельности. При нем к Польше были присоединены Поморье, Силезия, закарпатские словаки, полабские лужичи, Чехия и Моравия. Таким образом в Средней Европе сложилось крупное славянское феодальное государство, получившее большой вес.

Образование феодального польского государства, покоившегося на эксплоатации крепостного крестьянства, сопровождалось народными восстаниями против княжеских чиновников, духовенства, феодалов. Крестьяне жгли христианские храмы и восстанавливали старую языческую религию. Только с большим трудом удалось польскому князю Казимиру подавить восстание крестьян.

С VI века начинается систематическая колонизация славянами Балканского полуострова. В конце VII столетия на северо-востоке полуострова возникает тюрко-славянское государство, Болгария, в результате слияния болгарского племени кочевников-скотоводов, пришедших из-за Дуная, со славянами-земледельцами, поселившимися в этих местах еще ранее болгар.

Стоявшие значительно ниже славян по своему общему культурному развитию, болгары быстро ославянились, утратив свой язык и усвоив славянские быт и нравы. Болгарское государство присоединило к себе соседние области Фракии и Македонии. В IX столетии болгарский хан Борис принял царский титул и крестился вместе с большей частью населения. Болгария завязала культурные связи с Византией; в ней появились переводы на славянский язык греческих книг, духовных и светских, появилась и своя оригинальная литература. Все это имело впоследствии большое значение для возникновения древнерусской литературы.

Особенно усилилась Болгария при сыне Бориса Симеоне (893—927 гг.), который называл себя „царем болгар и римлян" (т. е. византийцев).

Таким образом, изучение истории показывает нам, что утверждение гитлеровских приспешников о мнимой неспособности славян основывать свои государства оказывается ложью. Уже в раннее средневековье и восточные, и западные, и южные славяне основали целый ряд крупных государств, игравших большую роль в истории Европы.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс. Хронологические выписки, т. I („Архив Маркса и Энгельса", т. V, стр. 41, 60—61, 63—65, 74—77).

История средних веков. Учебник для вузов под редакцией профессоров *А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского* и *О. Л. Вайнштейна*, т. I, изд. 2, главы VIII и XI (стр. 139—145, 190—195).

Любавский, История западных славян, М., 1918.

3. ЕВРОПА И АЗИЯ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (V—XI века)

При прохождении первого отдела учебника, посвященного раннему средневековью [1], преподаватель прежде всего должен иметь в виду, что в раннее средневековье и в Европе и в Азии складывается феодальный строй, который сменяет собою старый рабовладельческий строй; побеждает новый, более прогрессивный общественный строй, отвечающий новому этапу развития производительных сил. „Новые производительные силы требуют, — читаем мы в Кратком курсе истории ВКП(б),— чтобы у работника была какая-нибудь инициатива в производстве и наклонность к труду, заинтересованность в труде. Поэтому феодал покидает раба, как незаинтересованного в труде и совершенно неинициативного работника, и предпочитает иметь дело с крепостным, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства, и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, чтобы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая“ [2].

Однако, будучи более прогрессивной ступенью в истории человечества по сравнению с рабовладельчеством, феодализм оказался менее прогрессивным по отношению к сменившему его капитализму, как и этот последний оказывается менее прогрессивным по сравнению с социализмом, прочно утвердившимся теперь на одной шестой части мира. История учит, что побеждает всегда более прогрессивный общественный строй, способный далее двигать развитие производительных сил, повышать производительность труда. Поэтому всякая попытка задержать прогрессивное развитие человечества, вернуть человечество назад, к уже пройденным ступеням развития общества, соответствовавшим старому уровню развития производительных сил, всегда рано или поздно терпела крах, была неизбежно обречена на неудачу. Так же неизбежен и теперь полный крах фашизма, пытающегося задержать развитие человечества, вернуть его назад, к уже пройденным ступеням рабства и крепостничества.

Изучение раннего средневековья в целом показывает также, что в промежуток времени с V по XI век наиболее культурными странами были страны Востока (Византия, Арабский халифат, Индия, Китай), а не страны Запада. Германцы, опрокинувшие Рим, произвели своими завоеваниями такое разрушение производительных сил и клонившейся к упадку античной цивилизации, что общий уровень культуры на Западе понизился.

„Последние века клонившейся к гибели римской империи и самое завоевание ее варварами разрушили множество про-

---

[1] История средних веков. Учебник для средней школы, главы I—VII.
[2] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 120.

EB_1942_AKS_818

изводительных сил; земледелие пришло в упадок, промышленность, за отсутствием сбыта, захирела, торговля замерла или была насильственно приостановлена, сельское и городское население убыло“ [1]. Такое снижение культурного уровня на Западе продолжалось ряд столетий в течение раннего средневековья, и лишь в конце этого периода (X—XI вв.) вновь наблюдаются зародыши нового более прочного экономического и культурного подъема Западной Европы, которому немало способствовали затем и крестовые походы, сблизившие Запад с Востоком и открывшие двери для культурного влияния более передового в то время Востока.

Византия в культурном отношении пострадала гораздо менее при переходе от античности к средневековью. Здесь в сложении византийской культуры, кроме самих греков, а также египтян и сирийцев, принимали активное участие и те варвары, которые наводнили в то время пределы Восточной империи или входили в ее состав в виде вассальных государств — народы Закавказья, в первую очередь армяне, народы Малой Азии, а также многочисленные на Балканах славяне. В Византии не прекращались чтение и изучение античной литературы; римское право достигло здесь особого развития, а византийская историческая литература оказала большое влияние на древнерусское летописание. В противоположность феодальной культуре раннего средневековья на Западе, носившей исключительно церковный характер, в Византии получила значительное развитие и светская культура, менее зависимая от церкви, чем это было на Западе. Такие черты византийской культуры, передавшейся при христианизации ряду славянских народов, в первую очередь Киевской Руси, немало способствовали культурному развитию этой последней, вплоть до татарского завоевания, и сделали ее одним из наиболее культурных государств своего времени.

Не менее велика в развитии мировой культуры роль арабов и других народов, вошедших в состав Арабского халифата (иранцы, сирийцы, евреи и др. народы). Арабский халифат усвоил многое из античного культурного наследства, а также из индусской и иранской культур, и передал затем Западу, внеся и свою долю участия в общее культурное развитие. География, история, астрономия, медицина, математика, философия получили здесь дальнейшее развитие. У арабов было разработано учение о шаровидности земли; современная астрономия до сих пор сохранила ряд арабских названий звезд; алгебра, тригонометрия и аналитическая геометрия получили свое начало у арабов. Арабы приняли из Индии употребляемые и теперь всеми культурными народами так называемые „арабские“ цифры. Философия на основе изучения Аристотеля получила свое развитие в трудах Ибн-Рушда (XII в.), известного на Западе под именем Аверроэса, оказавшего большое влияние

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*. Немецкая идеология, Соч., т. IV, стр. 14.

на средневековую западноевропейскую философию. О степени влияния арабов на западноевропейскую культуру говорят также заимствованные у них Европой термины, как алгебра, алхимия, цифра, тариф, логарифмы и целый ряд других. На западноевропейскую средневековую литературу оказала большое влияние также и арабская художественная литература (например, сказки „Тысяча и одной ночи", арабская поэзия, романы и повести и т. д.). Особенно высоко было развитие культуры в Кордовском халифате, с его университетами, привлекавшими толпы учащихся, в том числе и христиан, с его библиотеками, насчитывавшими сотни тысяч томов, с его высокой архитектурой. Кордовский халифат был самой передовой в культурном отношении страной в Западной Европе в средние века.

Высокого развития достигала культура в IV—VIII веках и в Индии, где процветали математика, медицина, архитектура, художественная литература. В Афганистане в конце X и в начале XI века жил великий иранский поэт Фердоуси, создавший свою знаменитую поэму „Шах-Намэ".

Значительно выше Западной Европы по своему культурному развитию стоял в раннее средневековье и Китай с его многовековой культурой, с старинной письменностью, книгопечатанием и даже газетами. Здесь впервые были изобретены порох и компас. Имелись университеты, библиотеки и даже Академия наук, процветали поэзия, живопись, скульптура, архитектура, музыка, театр и балет.

В свете всех этих исторических фактов особенно ярко вскрывается вся ложь фашистских фальсификаторов истории, которые утверждают, что в мире всегда существовала лишь одна культура, немецкая культура; остальные народы якобы неспособны к культурному творчеству. Какой жалкой и варварской представляется в раннее средневековье культура самой Германии по сравнению с блестящим расцветом ее в это время у восточных народов!

Несколько выше стояла культура во Франкской империи Карла Великого в период так называемого „Каролингского возрождения" (VIII—IX вв.). Здесь, в монастырских „скрипториях", переписывались произведения античной литературы, составлялись хроники, записывались произведения древнегерманского эпоса, существовали школы и даже так называемая „Академия". Всё это, правда, стояло на значительно низком уровне по сравнению с блестящим расцветом одновременных восточных культур. Всё же Франкская империя, давшая в своем развитии синтез двух путей общественного развития, романского и германского, и пытавшаяся дать такой же синтез и в области культурного развития, намного превосходила и современную ей Германию и последующую за ней Германскую империю Оттонов, которую немецкие националисты претенциозно называли „Священной Римской империей немецкой нации", т. е. считали делом одного лишь немецкого народа.

Завоевание франками прочих германских племен (алеман-

нов, баварцев, тюрингов, в том числе и саксов) являлось приобщением их к более высокой франкской культуре, а героическая борьба саксонских народных масс против франкского завоевания — безнадежной попыткой задержать саксонские массы на уровне отживающего уже первобытно-общинного строя. Всё же мы воздаем должное героизму саксов, десятки лет боровшихся против надвигающегося феодализма и классовой эксплоатации, и клеймим кличкой изменников представителей саксонской знати, изменивших своему народу за богатые подачки от франкского императора. Таким же изменником народным массам оказался и пресловутый „герцог" Видукинд, которого фашисты считают предшественником Гитлера. „Если герцог Видукинд потерпел поражение в VIII столетии, то в XX столетии он восторжествует в лице Гитлера", — так пишут продажные фашистские писаки. Но они грубо ошибаются. Грязное дело гитлеризма осуждено историей, осуждено всеми передовыми, прогрессивными народами мира. Гитлеру и фашизму суждено позорно погибнуть и очистить дорогу дальнейшему прогрессивному развитию человечества.

ЛИТЕРАТУРА

История средних веков. Учебник для вузов; под редакцией профессоров *А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского* и *О. Л. Вайнштейна*, т. I, изд. 2, ч. I, „Раннее средневековье".

4. НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Вопросы истории Средней Азии, несмотря на то, что им посвящены соответствующие разделы истории СССР, не могут быть обойдены — особенно в школах среднеазиатских республик — и при преподавании истории средних веков. Роль народов Средней Азии в истории средневекового Востока была столь значительна, что изложение истории этих государств без привлечения среднеазиатского материала было бы неполным и односторонним.

В ходе преподавания истории средних веков среднеазиатский материал должен быть затронут по меньшей мере трижды: 1) при изложении истории Византии и сасанидского Ирана; 2) при изложении истории Арабского халифата; 3) при изложении истории Монгольской империи.

Говоря о средневековой истории Средней Азии, преподаватель прежде всего должен обратить внимание на условия возникновения здесь феодализма и на борьбу народов Средней Азии с ее завоевателями.

Общий кризис рабовладельческого мира, опрокинувший Римскую империю и разрушивший Ханьскую империю Китая, не миновал и Средней Азии. Археологические памятники IV—V веков свидетельствуют о глубоком кризисе всей социально-экономической системы Кушанского царства. Пустеют города. Центр хозяйственной и общественной жизни переносится из

города в деревню. Приходит в упадок оросительная сеть. Собрания среднеазиатских монет этой эпохи говорят о политическом распаде царства кушанов. Место единой кушанской монеты, связывавшей всю Среднюю Азию, занимают монеты, чеканившиеся правителями отдельных городов и областей. Культура одного района становится непохожей на культуру другого. Культурная раздробленность идет на смену относительного культурного единства Кушанской эпохи. Во всем чувствуются ростки нового, феодального общества более прогрессивного, чем рабовладельческое, но, как и везде, ведущего на первых порах к общему упадку производительных сил и культуры. И, как везде, вызреванию новых отношений помогают завоевания варваров.

В V веке Кушанское царство падает под ударами кочевых племен, так называемых эфталитов или „белых гуннов", которые пришли из северо-восточной части Средней Азии и, повидимому, являлись близкими родственниками основателей Кушанского царства, сохранившими древний родо-племенной уклад.

Объединение распадающейся Кушанской державы под властью эфталитских царей положило предел попыткам со стороны Ирана захватить слабо защищенные среднеазиатские владения. Эфталиты не были чужаками в Средней Азии. Это была часть ее коренного кочевого населения. В противоположность германским варварам, которые разрушили культуру античного Запада, эфталиты не были разрушителями культуры. Они умели ценить наследие своих более цивилизованных сородичей и соседей, и не случайно византийский историк Прокопий Кесарийский противопоставляет эфталитов варварам Запада и говорит о них как о народе, живущем в городах и вполне культурном. Хотя история эфталитского государства нам известна далеко недостаточно, однако и то немногое, что сохранили нам источники, в частности анналы знаменитого арабского историка ат-Табари, пользовавшегося летописями сасанидского Ирана, показывает, что старые боевые традиции среднеазиатских народов в их борьбе за политическую независимость не были забыты и в эту эпоху.

Яркой и показательной в этом отношении является известная нам история взаимоотношений эфталитов с сасанидским Ираном. В самом начале своей истории, в III веке, когда ослабленное внутренним кризисом Кушанское царство не могло оказать им серьезного сопротивления, сасанидские цари делают попытку захвата части среднеазиатских земель, проникая до среднего течения Аму-Дарьи, до Балха и, по некоторым данным, до Согдианы (бассейн Зеравшана). К V веку они не только теряют эти земли, но оказываются под угрозой потери основной иранской территории, которой угрожают „белые гунны", переходящие в контрнаступление. Попытка сасанида Пероза (459—484) вмешаться во внутренние дела эфталитского государства терпит крах. Сам Пероз в результате героической

борьбы эфталитов, смело жертвовавших жизнью за свободу родины, гибнет со своим войском, как некогда Кир, и сасанидский Иран оказывается вынужденным покупать свою безопасность уплатой дани правителям эфталитов.

Лишь союз Хосрова I Ануширвана (531—597) с возникшим на Южном Алтае и в Монголии Тюркским каганатом сломил длившуюся десятилетиями победоносную борьбу эфталитов с внешними врагами. В середине VI века эфталитское государство рушится под ударами тюркских завоевателей.

Крупную роль в утере среднеазиатскими народами политической самодеятельности играет предательская политика согдийской аристократии, в VI веке не раз заключавшей союз с чужеземными завоевателями против своего же народа. Таково было поведение согдийских аристократов и в дни падения Эфталитского царства, и в дни, когда в 80-х годах VI века народные массы Бухарского оазиса под властью вождя антифеодального движения городского плебса, Абруя, объявили борьбу против политики захвата общинных земель и закабаления членов общин, проводимой аристократией. Движение Абруя было подавлено в результате двойной интервенции: каган тюрков призвал к себе на помощь китайские войска.

Но боевые традиции свободолюбивых народов Средней Азии не исчезли. С особой силой они сказались во второй половине VII и в VIII веке н. э., когда на смену тюркам и китайцам на территорию Средней Азии вторглись новые, более могущественные завоеватели — арабы.

Если для разгрома сасанидского Ирана и могущественной Византии, потерявшей большую часть своих азиатских и африканских владений, арабам понадобилось всего лишь два десятилетия, завоевание арабами Средней Азии продолжалось целое столетие. Несмотря на предательство отдельных представителей правящего класса (шах Хорезма, призвавший в 712 г. арабов для разгрома восстания своего народа, царь Согдианы Тархун, капитулировавший перед арабами и свергнутый затем своим народом), народы Средней Азии десятилетиями героически боролись против врага, отстаивая каждую пядь своей земли. Не раз арабы с позором изгонялись с уже, казалось, покоренной территории и вынуждены были начинать свои походы сначала. Только к концу 30-х годов VIII века, через 80 с лишним лет после первых своих походов, арабы более или менее закрепились на территории большей части Средней Азии.

Учитель должен остановиться более обстоятельно на восстаниях среднеазиатских народов против арабских завоевателей. Одним из наиболее важных восстаний было вспыхн вшее в 747 г. в окрестностях Мерва широкое народное движение, возглавленное местным уроженцем Абу-Муслимом, рабом по происхождению. Это восстание объединило под своим знаменем все враждебные существовавшему режиму элементы: рабов, кабальных арендаторов и свободных крестьян, обремененных

арабскими поборами; местную аристократию, не мирившуюся со своим политическим бесправием, и, наконец, значительную часть самих арабов, воинов-бедуинов, очень мало выигравших от завоевания и несших всю тяжесть гарнизонной службы в оккупированной враждебной стране.

Охватив в короткий срок значительную часть Средней Азии, восстание перекидывается в Западный Иран, Ирак и Сирию, приводит к гибели стоявшую в это время во главе халифата Омейядскую династию (661-750), и к переходу власти в руки заключившей союз с Абу-Муслимом династии Аббасидов (750—1258). Однако, после закрепления власти в руках последних, Мансур, сын первого аббасидского халифа Абуль-Аббаса, прозванного за свою жестокость и вероломство ас-Саффаком (кровопийцей), изменнически убил Абу-Муслима.

Тем не менее результаты восстания Абу-Муслима были огромны. Аббасиды были вынуждены уравнять в правах арабов и не арабов-мусульман, власть халифа над восточными, среднеазиатскими областями становится все более фиктивной. Напротив, в экономической, политической и культурной жизни самого халифата восточные области (Средняя Азия, Восточный Иран и Афганистан) начинают играть все большую и большую роль. Вскоре арабская культура становится арабской лишь по названию да по господствующему языку. Действительными же ее творцами и носителями становятся обитатели Средней Азии, Ирана, Сирии и других, покоренных в свое время арабами, но гораздо более культурных, чем варварские арабские племена, областей.

Однако выиграла от этого поворота в истории халифата, главным образом, местная среднеазиатская аристократия. Положение крестьянства оставалось очень тяжелым и, пожалуй, даже ухудшилось. Примирение с Аббасидами среднеазиатской аристократии усилило ее и дало ей возможность, опираясь на вооруженные силы халифата, сделать новые шаги по закабалению и закрепощению недавно еще свободных среднеазиатских крестьян.

В результате мы видим, что движение Абу-Муслима не только не замыкает, но скорее открывает целую серию народных движений, восстаний закрепощаемых крестьян-общинников. Из этих движений наиболее крупным было восстание 70-х годов VIII века, возглавленное уроженцем Мерва, Хашимом ибн-Хакимом, по прозвищу Муканна („Закрытый покрывалом"). Сторонники Муканны, как и сторонники Абу-Муслима, носили название „людей в белых одеждах", которые были отличительным признаком повстанцев. Это, как и то, что Муканна, по профессии ремесленник-прачечник, был в молодости сподвижником Абу-Муслима, показывает нам тесную историческую взаимосвязь обоих движений.

Движение Муканны, зародившись в окрестностях Мерва, очень быстро распространилось далеко на восток, за Аму-Дарью. Наибольшую активность повстанцы проявили в бассейне

Кашка-Дарьи, в волостях городов Кеша и Нахшеба. Движение протекало под знаменем борьбы с арабскими оккупантами и союзной с ними части местной аристократии за восстановление древних общинных порядков в хозяйстве и в быту. Как обычно для этой эпохи, идеология движения имела религиозную оболочку. В частности, Муқанна рассматривался как воплощенное божество.

Помимо оседлых крестьян-общинников, Муканна получил широкую поддержку со стороны тюркских кочевников Средней Азии и известной части аристократов-согдийцев, не порвавших еще традиционных патриархальных связей с общинами. Восставшие нанесли ряд жестоких поражений правительственным войскам, захватили большое количество селений, замков и городов, так что некоторое время власть халифата сохранялась лишь в крупнейших городах Согда (бассейн Зеравшана и Кашка-Дарьи). Только огромным напряжением сил и мобилизацией всей военной техники арабской армии полководцам халифата удалось подавить это восстание.

Переходя к изложению истории Средней Азии в период падения власти Арабского халифата, учитель должен подчеркнуть, что вообще вся история этого периода была наполнена восстаниями, делавшими власть халифата крайне непрочной. Вот почему аббасидское правительство и его наместники, имевшие резиденцию в Мерве, не раз возобновляли свои завоевательные мероприятия.

Но уже с IX века, по мере созревания феодальных отношений, власть арабских халифов становится номинальной. Средняя Азия оказывается в это время ареной борьбы различных враждующих между собой местных династий, пока положение не упрочилось под властью первой устойчивой среднеазиатской ранне-феодальной династии, правителей Бухары, Саманидов. На значении саманидского периода в истории Средней Азии учитель должен остановиться подробнее. Саманидам удалось не только объединить под своей властью всю Среднюю Азию, включая Туркмению, Хорезм и присырдарьинские области, но и распространить эту власть на значительную часть Афганистана и Ирана. Саманидские эмиры Бухары были самыми могущественными из феодальных владетелей тех государств, на которые распался Арабский халифат.

Централизованная система управления, относительная прочность центральной власти, хорошая армия, прекрасная постановка службы связи обеспечили длительную полосу мирного развития саманидской державы, благоприятствовавшую расцвету сельского хозяйства, ремесел, торговли, и создали условия для культурного расцвета Средней Азии, превратившейся в выдающийся экономический и культурный очаг Востока. Через Среднюю Азию лежали основные пути связи стран халифата с народами Восточной Европы, Сибири, центральной Азии, Китая. Среднеазиатские путешественники и купцы, особенно хорезмийцы, играли огромную роль в установлении экономи-

ческих и культурных связей с хазарами, волжскими булгарами, печенегами, огузами и, наконец, славянами. Роль Средней Азии саманидского времени в культурном развитии народов нашей родины очень значительна и до сих пор не вполне учтена. Как правильно отмечает академик Бартольд, влияние Средней Азии на славян и другие народы Восточной Европы было настолько велико в X веке, что были моменты, когда можно было ожидать, что развитие славянской культуры окажется в зависимости не от Византии и христианства, а от Средней Азии и ислама. Смутные воспоминания об этом сохранились и в русской летописи, в рассказе о предшествовавшей крещению Руси деятельности мусульманских миссионеров при дворе князя Владимира. Это время — период наибольшего расцвета культуры среднеазиатских народов средневековья. К этому времени относится деятельность целого ряда крупнейших представителей средневековой науки, уроженцев Бухары, Хорезма, Ферганы, Фараба и других городов и областей Средней Азии. Упомянем бухарца Абу-Али-ибн-Сина, ставшего известным еще в средние века под именем Авиценны (980—1037), философа, врача и поэта. „Канон" Авиценны явился отправной точкой для развития средневековой медицинской науки.

Хорезмиец Мухаммед-ибн Муса ал-Хорезми, математик, астроном и географ, является одной из крупнейших фигур в развитии точных наук на средневековом Востоке, оказавшей влияние на всё позднейшее развитие математики. Его имя, ал-Хорезми, в частности, в искаженной на греческий лад форме до сих пор живет в слове логарифм. Труды ал-Хорезми по арифметике и алгебре были переведены на латинский язык и пользовались широкой популярностью среди европейских математиков. Другой хорезмиец ал-Бируни был крупнейшим астрономом, географом и историком конца X и начала XI века, автором капитального исследования по истории летосчислений разных народов, истории Хорезма, историко-географического описания Индии и ряда других трудов.

Но дальнейшее развитие феодальных отношений не могло не привести к новому периоду политической раздробленности и усобиц, тянувшихся весь XI и значительную часть XII века. Завоевания кочевников, частью местных или близкородственных среднеазиатских народов; как например, сельджуков и караханидов, частью пришельцев издалека, как пришедших из северного Китая каракитаев, были следствием этого процесса политического распада Средней Азии и в свою очередь усилили его.

Только к концу XII века наиболее богатым и могущественным феодалам Средней Азии, шахам Хорезма, удается вновь объединить Среднюю Азию, подчинить своей власти весь Афганистан, Иран и Азербайджан, распространив свое господство от Инда до Аральского моря и от границ Грузии до Ферганы.

Надо подчеркнуть хронологическое совпадение этого про-

цесса консолидации Средней Азии с единовременными и по существу очень близкими процессами политической консолидации, хозяйственного и культурного подъема, какие имели место и в Грузии времен Давида Строителя и Тамары и во Владимиро-Суздальской Руси.

В одинаковой степени, как на Руси и в Грузии, этот глубоко прогрессивный процесс в Средней Азии был оборван страшным монгольским разгромом. Государство Хорезмшахов приняло первый натиск новой волны центральноазиатских варваров на Запад, наиболее жестоко пострадало от этого удара и долго не могло оправиться от него.

При изучении истории монгольского завоевания Средней Азии преподаватель должен обратить внимание на то, что, несмотря на столетия господства феодально-деспотических порядков, несмотря на то, что деспоты-завоеватели веками стремились привить народу чувство безропотного подчинения воле завоевателя, народ сохранил свои древние боевые традиции и именно он оказался на высоте положения в эти тяжелые для Средней Азии дни.

Хорезмшах Мухаммед, обладавший огромной и хорошо оснащенной армией, не сумел по-настоящему организовать оборону своих владений и кончил бегством на западную их границу, в Ирак, Азербайджан и, наконец, на уединенный остров Каспийского моря, где нашел свой бесславный конец.

Героизм и искусство отдельных военачальников Хорезмшаха, как например, Гимур-Мелика, оборона которым Ходжента составляет славную страницу военной истории народов Средней Азии, не могли изменить положение. Но простые ремесленники и крестьяне не хотели безропотно — как их веками учили — отдать себя и свою страну на разграбление врагам их родины, как бы сильны они ни были. Оборона Бухары, Самарканда и, особенно, Ургенча, осуществлявшаяся, главным образом, силами гражданского населения, народным ополчением в подлинном смысле слова, сильно задержала продвижение монголов и стоила им тяжелых потерь, хотя и была в конце концов сломлена мощной монгольской армией, богато оснащенной наиболее высокой в ту эпоху китайской осадной техникой.

Но и тогда, когда завоевание было закончено, народы Средней Азии не считали дело потерянным и при первой возможности поднимали оружие на борьбу за свободу родины. Грабеж населения монголами и тяжелые повинности, наложенные ими, только увеличивали народную ненависть и волю к борьбе. Ярким проявлением этой борьбы является восстание в Бухаре, возглавленное мастером по изготовлению сит Махмудом Тараби в 1238 г. Тараби удалось, во главе крестьян и ремесленников, захватить власть в городе и изгнать монголов и их пособников из купцов и эмиров. Но героическая смерть Тараби в победоносном бою с монголами ослабила восставших, и стянутые монголами свежие силы сумели справиться с восстанием и подвергли город разгрому и разграблению.

Широкую поддержку населения встретил сын Хорезмшаха Мухаммеда, смелый и энергичный Джелаледдин, до последнего дня своей жизни боровшийся против ига монгольских завоевателей и одержавший немало побед над считавшимися непобедимыми полководцами Чингис-Хана.

Но феодальная раздробленность страны, предательская политика феодалов, части духовенства и купечества, извлекавших немалые выгоды из торговли с монголами, из откупов дани и т. п., сделали бесплодными эти героические усилия лучших людей Средней Азии XIII века, память о которых мы должны чтить наряду с именами великих борцов за свободу русского, украинского и других народов нашей великой родины.

Последствием монгольского погрома были века экономической реакции, культурной застойности и отсталости Средней Азии, из которой ее народы вывела только Великая Октябрьская социалистическая революция, достижения которой защищают сейчас народы Средней Азии вместе с другими братскими народами нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

В качестве общего пособия могут быть использованы соответствующие главы курса „Истории СССР" для вузов под редакцией проф. *В. Н. Лебедева*, акад. *Б. Д. Грекова* и чл.-корр. АН *С. В. Бахрушина*, Москва, 1939, именно: раздел А, гл. IV (стр. 46—50), гл. VI (стр. 65—80); раздел Б, гл. II, § I (стр. 148—153), гл. III, § 1, 2, 5 (стр. 169—172, 178—182).

По отдельным темам может быть использована следующая литература: а) характеристика процесса перехода к феодализму от рабовладения на основании археологических памятников — статьи *С. П. Толстова* „Древнехорезмийские памятники Каракалпакии", журн. „Вестник древней истории", 1939, № 3—4 и „Древности верхнего Хорезма", журн. „Вестник древней истории" 1941, № 1; б) о восстании Абруя и борьбе против тюркского завоевания VI века статья *С. П. Толстова* „Тирания Абруя", журн. „Исторические записки", т. III, М, 1938; в) об арабском завоевании — различные работы *В. В. Бартольда*, особенно Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, СПБ, 1900; г) о хозяйственной и политической жизни Средней Азии в X—XV вв.— *А. Ю. Якубовский*, Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X — XV вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. т. I, Ленинград, 1933; д) об экономических, политических и культурных связях Средней Азии со славянами и Русью — *В. В. Бартольд*, Арабские известия о русах. Журн. „Советское Востоковедение", т. I, 1940, стр. 15 — 50; е) о борьбе народов Средней Азии против монгольских завоевателей и восстании Махмуда Тараби — *А. Ю. Якубовский* „Восстание Тараби", сборник „Доклады группы востоковедов", изд. АН СССР, 1938.

5. ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

История средневековой Германской империи, или „Священной Римской империи", охватывает большой период европейского средневековья, начиная с X века, вступает в новое время и формально продолжается до наполеоновских войн. Материал учебника[1], относящийся к истории Германской империи, оказывается в связи с этим разбросанным по всей книге. Между тем, необходимо дать учащимся общее представление о сред-

[1] История средних веков. Учебник для средней школы.

невековой империи, чтобы они могли по достоинству оценить ту „Первую империю", которую немецкие фашисты выдвигают как оплот „государственного порядка" в Европе и продолжение которой они усматривают в своей бандитской „Третьей империи". Обобщая материал политической истории Европы в средние века, необходимо показать, что в действительности Германская империя всегда оставалась ареной политического хаоса и феодального произвола даже и в то время, когда большинство других народов Европы встали на путь развития национальных государств. Для этого необходимо прежде всего выяснить, при каких обстоятельствах возникла Германская империя и каковы были ее особенности как государства.

Как указывается в учебнике, укрепление королевской власти и подчинение ей отдельных герцогов произошли в Германии раньше, чем в других частях распавшейся монархии Каролингов. Уже второй представитель Саксонской династии — король Оттон I (936—973), сделавшись после своего второго похода на Рим императором, положил начало Германской империи (962)[1].

Необходимо подчеркнуть, что причину раннего усиления королевской власти в Германии следует искать не в тяготении ее отдельных частей к общему центру, не в интенсивном росте ее городов и развитии внутренних торговых связей, словом не в том, что позже стимулировало другие народы Европы к развитию национальных государств, а в некоторых особенностях ее внутреннего социального строя и географического положения. Здесь к востоку от Рейна к X веку сохранились еще широкие массы свободного крестьянства, для закрепощения которого феодалы нуждались в помощи королевской власти. Кроме того, наличие по соседству за Эльбой славянских племен, продолжавших еще жить родовым строем, также не давало покоя немецким феодалам. Известно, что еще Каролинги вели со своими славянскими соседями почти беспрерывную борьбу и не прекращали своих попыток подчинить их своей короне. Вместе с восточными землями бывшей франкской монархии Германия унаследовала борьбу со славянами, для которой также требовалась сильная королевская власть. В общем, пути создания этого государства и его основы отличаются от путей формирования других национальных государств. В Германии долгое время отсутствовали самые предпосылки для централизованного государственного развития. Отдельные земли, заселенные и завоеванные немцами, по своим экономическим связям тяготели к различным негерманским центрам и оставались чуждыми между собой, так что связь между ними, которая могла быть установлена только насильственно, неизбежно оставалась искусственной и непрочной. Поэтому мы видим, что императоры стремятся к упрочению своей власти при помощи особых средств.

---

[1] Там же, стр. 30—31.

Основными средствами для этого служили епископства внутри Германии и, кроме того, подчинение раздробленной Италии и папства. При этом учитель должен подчеркнуть, что первые успехи германских королей в Италии и в борьбе с папством не являются результатом одержанных ими блестящих побед. Германские короли пользовались тем, что сами итальянские феодалы предпочитали иметь дело с далеким императором, власть которого будет чувствоваться слабо, чтобы господство в стране фактического безвластья позволяло им расхищать народное достояние. Маркс характеризует положение в Италии, приведшее к проникновению туда немцев, как „союз дворян и попов против народа". Когда при последнем короле Саксонской династии этот союз стал распадаться, то стала расшатываться власть императоров в Италии и в самой Германии. На материале, относящемся к истории Франконской династии, учитель может показать, что в Германии не было внутренних предпосылок для установления централизованной власти. Императоры этой династии пытались проводить политику централизации. Первые два императора — Конрад II и Генрих III — старались опираться при этом на подчиненное им папство. При Генрихе IV положение изменилось в связи с стр млением пап (Григорий VII) к отстранению германских императоров от назначения епископов и вообще от влияния на церковные дела. Ввиду того, что папа вступил с этой целью в союз с немецкими князьями, то Генрих IV вынужден был обратиться к тем силам внутри Германии, которые враждовали с высшей княжеской и церковной аристократией. „Заслуга Генриха в том,—пишет Маркс,—что он часто учинял, опираясь на горожан и мелких вассалов, самосуд над крупными феодалами". Казалось бы, что Генрих IV получил опору в тех силах, которые в последующие века сделались в Европе носителями национального единства и обеспечили успехи абсолютизма. Однако тут же обнаружилась указанная уже особенность Германии — отсутствие внутренних связей между ее разными частями. Намечавшаяся социальная опора Генриха IV оказалась разрушенной, когда начались крестовые походы, организованные папством. Южные города были увлечены новыми перспективами, открывшимися для торговли с Востоком. На стороне Генриха IV остались только северные города, и его позиции настолько ослабели, что восставший против него его сын вынудил его к отречению. Сделавшись императором, сын Генриха IV Генрих V отказался от централизаторской политики в Германии. Он делал большие уступки феодальным светским князьям, в помощи которых он нуждался в продолжавшейся борьбе с папством.

Из всего этого следует, что в Германии не было предпосылок для государственной централизации. Затем преподаватель переходит к политике королей из династии Гогенштауфенов и показывает, что при них деятельность „государственных" органов в Германии как имперских, так и княжеских приняла особен-

но хищнический характер. Грабеж богатых североитальянских городов сделался осью имперской политики в еще большей мере, чем раньше. Упорное сопротивление итальянских городов, объединившихся при поддержке папы для борьбы против чужеземных хищников, Фридрих I Барбаросса хотел одолеть методами кровавого террора и разрушения. Милан, самый мощный город Ломбардии, стоявший на торговом пути из Италии в Среднюю Европу, был разрушен до тла этим отдаленным предком фашистских бандитов, а население Милана изгнано. В то же время в самой Германии беспрепятственно орудовали крупнейшие феодалы. Они не только не поддерживали императора в его борьбе против итальянских городов, а наоборот, вели против него в это время открытую борьбу. Особенно упорно вел эту борьбу сильнейший из герцогов герцог Саксонии и Баварии, Генрих Лев. Следует рассказать ученикам, что фашистские громилы спорят между собой, кто лучше „строил" Германскую империю, Фридрих I Барбаросса, строивший ее грабежом итальянских городов, или Генрих Лев и его сообщники, грабившие и опустошившие славянский Восток. Тут преподаватель должен подчеркнуть, что в действиях того и другого не было ни грана государственной и тем более национальной политики. Император строил широкие грабительские планы подчинения Европы, рассчитывая при этом не на силы своей страны, а на средства чужих богатых городов, а крупные феодалы Германии, пользуясь благоприятными условиями для феодального произвола, старались расхищать достояние Германии, каждый для себя. Внук Фридриха Барбароссы, Фридрих II признал совершенно безнадежной борьбу с германскими феодалами и сосредоточил всю свою „государственную" политику на грабеже богатой Италии, бывшей в то время банкиром Европы. Богатую торговлю и промышленность этой страны Фридрих II подчинил хищническому аппарату монополий и паразитической системе ростовщических откупов. Кроме того, он разорил страну военными поставками и постоями и поборами своих многочисленных чиновников. Понятно, что такую грабительскую политику можно было вести лишь на основе кровавого режима и подавления всех вольностей населения, а это объединило против него все силы Италии, из которой немцы были скоро выброшены.

Подводя итоги царствованию трех династий: Саксонской, Франконской и Гогенштауфенов, учителю нетрудно будет показать, что, потеряв свои позиции в Италии, Германская империя, беспрепятственно расхищавшаяся феодалами, оказалась просто пустым местом, и весь ее внешний „блеск" и „мощь" лопнули, как мыльный пузырь.

Для того, чтобы это доказать на ярких исторических фактах, надо дать характеристику деятельности императоров из династии Габсбургов и Люксембургов.

То, что после Гогенштауфенов продолжало носить название „Германской империи", есть уже не больше, как дряблая

оболочка, прикрывавшая усиление феодальных князей и полный политический распад. Императоры из династии Габсбургов и Люксембургов стремились в своей „имперской" политике лишь к тому, чтобы использовать тень империи для усиления владений своих княжеских родов. Эта цель лежала в основе всей внешней политики Габсбургов. О „рыцарственном" Максимилиане I Маркс пишет в „Хронологических выписках", что он „стремился использовать *Германскую империю* и вовлечь ее в войну и т. д. в своих *личных интересах* как *государя Австрии* и т. д., ради династических интересов своей фамилии в Нидерландах, Бургундии, Испании и т. д.; за *„рыцарем* скрывался *негодяй Габсбург"* [1]. Так же смотрели на империю и князья. Империя интересовала их лишь постольку, поскольку она помогала им своей реакционной политикой в Европе укреплять свои феодальные позиции и не препятствовала установлению в их владениях *„паршивого княжеского суверенитета"* (Маркс).

На таких гнилых основах „империя" не могла, конечно, противостоять сложившимся повсюду в Европе крупным национальным государствам.

„... во внешних же отношениях, — пишет Маркс, — перед заграницей Германия представляла собой жалкую фигуру — поэтому с той поры германская история это *только развитие княжеской власти путем ограбления империи"* [2].

Жалкий характер носили и имперские органы. Так называемый „рейхстаг" и создавшиеся имперские судебные и финансовые органы не имели ни авторитета, ни базы для своего существования вообще. Рейхстаги созывались нерегулярно, собирались медленно и часто срывались из-за недостаточного количества собравшихся. Принятые постановления обыкновенно оставались на бумаге, так как не было ни авторитетного исполнительного аппарата, ни финансовой базы для него. При таком положении не подлежит сомнению, что об имперских военных силах можно говорить лишь постольку, поскольку их поддерживали князья, от которых, следовательно, и зависел сам император. Сами „выборы" императора так называемыми князьями-избирателями (курфюрстами) сделались предметом не только торга между ними и императорским домом, но и прямого подкупа. Неудивительно поэтому, что германские императоры при своем столкновении с другими народами, национальнсе развитие которых не обладало этими чертами „немецкого уродства", по выражению Маркса, терпели одно позорное поражение за другим и доходили до крайней степени унижения. Однако преподаватель должен предостерегать учащихся от неправильного вывода о том, будто Германская средневековая империя не имела никакого значения как фактор

---

[1] *Маркс.* Хронологические выписки („Архив Маркса и Энгельса" т. VII, стр. 94).

[2] Там же, стр. 97.

международной политики в Европе. Дело в том, что германские князья при всей их феодальной грызне между собой и с императором стремились стать оплотом реакции в Европе и выступали в роли душителей национального развития более прогрессивных народов.

Так в первой половине XV века император сделался орудием всех реакционных сил при подавлении гуситского движения.

Учитель должен остановиться на положении народных масс в Германии и выяснить, каково было отношение различных классов к политическому строю „Империи".

В обстановке политического распада и господства феодального мелкодержавия положение народных масс было особенно тяжелым. Среди народа создалась благоприятная почва для пропаганды идеи политической реформы в XVI веке. Крестьянская масса и городская беднота, страдавшие от тяжелого гнета князей, дворян, купцов и всей сложной общественной иерархии, готовы были поддержать императора против князей и видеть в нем символ высшей справедливости и орудие борьбы с произволом. К реформе империи стремились и средние классы, в особенности имперское рыцарство и низшие слои дворянства вообще. Во время реформационного движения XVI века разные классы выдвигали соответствующие их классовым интересам проекты реформ политического устройства Германии. Однако в раздробленной Германии все эти усилия отдельных классов не могли быть объединены в общее движение. На решительную борьбу с феодализмом поднялись только народные низы. Средние же классы, в особенности немецкое бюргерство, сами еще цеплялись за свои феодальные связи и привилегии и заняли по отношению к восставшему народу двусмысленную, а затем и прямо предательскую позицию. Основной итог народного движения в Германии в эпоху реформации свелся поэтому к еще большему усилению феодальных князей. Из материала учебника[1] учащиеся узнают, что князья сумели подчинить своим интересами и новую лютеранскую церковь.

Учитель должен привлечь к этой теме и XXIX главу учебника, посвященную Тридцатилетней войне. Ход и результаты этой войны показали, что попытки германских императоров использовать в своих интересах католическую реакцию оказались обреченными на полный провал. На развалинах разоренной и истекавшей кровью Германии раздробленность и феодальный произвол господствовали безраздельно. Как основной вывод и урок Тридцатилетней войны, необходимо подчеркнуть, что германская так называемая „I империя", не смогла выдержать борьбы с более прогрессивными государствами Европы.

---

[1] История средних веков. Учебник для средней школы, глава XXIV, стр. 195.

6. НЕМЕЦКАЯ АГРЕССИЯ НА ВОСТОК В XII—XIV ВЕКАХ

В данной теме необходимо показать истинный характер немецкого так называемого „натиска на Восток" в средние века и тем самым разоблачить попытку фашистских бандитов найти в этих событиях при помощи бесцеремонной фальсификации историческое „оправдание" для той беспримерной по своим варварским методам истребительной войны, которую кровавый гитлеризм ведет против Советского Союза и всех славянских народов. Начав эту грабительскую войну в интересах наиболее хищнических элементов империализма, людоед Гитлер, не останавливающийся перед самыми низкими приемами демагогии, возвестил миру о своем намерении спасти Европу и дать ей „новый порядок", уверяя при этом, что насаждение „цивилизации" и „нового порядка" составляло якобы историческую „миссию" немцев еще в средние века во время их „натиска на Восток". В этой бесцеремонной фальсификации истории фашисты находят опору у ряда историков из лагеря немецких шовинистов, пытающихся доказать, что немцы, проникнув на славянский Восток, ввели там впервые „государственный порядок", высокую экономическую культуру, „христианскую цивилизацию" и т. д. и т. п.

Для выяснения истинной роли так называемого „натиска на Восток" и его агрессивного характера необходимо в данной теме выделить следующие основные вопросы:

1. Общественный быт полабских и поморских славян и характер походов Альбрехта Медведя и Генриха Льва.
2. Захватнические войны немецких духовно-рыцарских орденов (Меченосцев, Тевтонского) в Прибалтике и на Нижней Висле.
3. Немецкое засилье в захваченных восточных районах.
4. О борьбе славянских и литовских народов с немецкой агрессией и роли русского народа в этой борьбе.

По первому из указанных вопросов необходимо прежде всего разоблачить клеветнические утверждения фашистов о том, что полабские и поморские славяне стояли в момент начавшихся немецких захватов на очень низкой ступени развития, что сельскохозяйственная культура и способы обработки земли были им якобы плохо знакомы и что вообще они представляли собой полудикарей. Такие вздорные утверждения нужны фашистам для того, чтобы доказать „культурную" роль немцев на Востоке. В действительности славяне занимали обширную, плодородную и хорошо возделанную территорию за Эльбой и в Поморье. Путешественники находили в Поморье хлебные и огородные продукты и продукты животноводства, которые свидетельствуют о сравнительно высоком развитии сельскохозяйственной культуры. По Балтийскому и Северному морям славяне вели значительную для того времени торговлю и посещали берега Дании и Англии. В Поморье были и города, как Штетин и Колобрег, которые представляли собою значитель-

ные торговые центры. Не подлежит сомнению, что именно богатство славянских земель сделало их приманкой для хищнических вожделений немецких феодалов. Необходимо подчеркнуть, что еще задолго до этого немцы вели оживленные торговые отношения со славянами. Маркс в „Хронологических выписках" отмечает, что уже при императорах Саксонской династии, т. е. в X веке, в отдельных немецких областях заметно было расширение торговли, что в частности ряд городов на севере Германии достиг уже значительного расцвета благодаря своей торговле со славянами. „Бардевик,— пишет Маркс о времени Оттона I,— *главное складочное* место для очень оживленной *торговли со славянами*"[1]. Известно, что уже при Оттоне I верхушка германских князей и прежде всего сам король стремились не к развитию нормальных торговых отношений со славянами, а к их хищнической эксплоатации при помощи учрежденных епископств и Магдебургского архиепископства. Но Оттон I так же, как и его ближайшие преемники, был увлечен более широкой политикой подчинения Италии и папства и превращения всего аппарата католической церкви и церковного землевладения в орудие дальнейшей агрессии. Славяне временно избавились от немецкого натиска. В XI веке славяне за Эльбой вернулись к своему мирному труду и к своим племенным богам, покинув страшную для них магдебургскую богородицу с младенцем Иисусом, установленную с целью их порабощения. Однако в XII веке натиск немцев возобновляется.

Славянские племена, жившие между Эльбой и Одером, делились в основном на две группы: бодричи (или ободриты), занимавшие северную часть этой территории, вильцы (или лютичи), жившие на правом берегу среднего течения реки Эльбы, и сорбы — на верхнем ее течении. Широкую агрессивную деятельность против вильцев начал в первой половине XII века Альбрехт Медведь из так называемой „Северной марки" на Эльбе, полученной им в лен у императора Лотаря II в 1134 г. До нападения на вильцев Альбрехт Медведь был уже участником ряда кровавых походов на Рим и против славян и неудачно боролся в Саксонии за овладение герцогским титулом. Этот феодал-авантюрист проник впервые в землю вильцев и овладел их столицей, городом Бранибором, не столько военной силой, сколько политической сделкой сомнительного характера.

Фашисты и их предшественники из лагеря прусских шовинистов и врагов славянства изображают Альбрехта Медведя и его помощников в виде мучеников за дело распространения христианства и германского духа. Альбрехт Медведь выдвигается тем же лагерем и как национальный герой, основатель самого сильного немецкого государства Бранденбурга. Однако в действительности как сам Альбрехт Медведь, так и немецкие

[1] *Маркс.* Хронологические выписки („Архив Маркса и Энгельса", т. V, стр. 66).

EB_1942_AKS_818

прелаты, поселившиеся в то время среди славян, очень мало заботились о распространении христианства и вообще проявляли мало религиозного рвения. Что же касается попытки выдвинуть Альбрехта Медведя в „национальные герои", то необходимо подчеркнуть, что этот „герой" захватывал больше не у славян, а у немецких князей.

Бранденбург сделался одним из сильнейших княжеств Восточной Германии не в результате „героических" мероприятий Альбрехта Медведя и его преемников, а в результате благоприятных обстоятельств в международной обстановке, фактического краха Германской империи, разрушения Саксонского герцогства, ослабления Польши и Дании и т. д. Роль маркграфов Бранденбурга в расширении своего княжества выражалась в ряде актов вероломства и обмана, давших им и их соратникам легкие победы, в их умении использовать создавшуюся выгодную ситуацию.

Такими актами обмана Вольдемар, последний маркграф Бранденбурга из рода Асканиев, добился протектората над северными богатыми приморскими городами: Ростоком, Штральзундом и другими. Вначале он был в союзе с северными князьями против городов, а затем вероломно перешел в лагерь противников этих князей.

Такой политикой и такой „славой" современные фашисты имеют все основания восторгаться.

Еще больше восторга вызывает среди фашистов другой „герой" немецкого „натиска на Восток", саксонский герцог из рода Вельфов — Генрих Лев, организатор хищнических набегов немцев на славян-ободритов. Фашистский писака Розенберг говорит о Генрихе Льве, что он „положил первый краеугольный камень для будущей империи". Другие фашисты, правда, упрекают Генриха Льва за его враждебное отношение к имперской политике Фридриха I в Италии. Однако Розенберг и его подпевалы этим не смущаются и заявляют, что „будущая Германская империя" должна быть построена на развалинах славянского Востока! „Идеолог" немецко-фашистского бандитизма пытается своим восхвалением Генриха Льва подвести „историческую" базу под бандитские планы покорения мира путем истребления прежде всего славянских народов и народов Советского Союза.

Между тем история борьбы Генриха Льва с ободритами показывает чисто хищнический характер его походов и отсутствие у него каких бы то ни было намеков на „имперскую" политику или „имперскую" программу. Он отстаивал свои мелко-бандитские планы вопреки интересам империи. Генрих Лев был врагом самой идеи германского единства и выступает организатором сил северогерманских князей против юга Германии. Когда в 1147 г. император Конрад III вместе с южными немцами отправляется во второй крестовый поход в Палестину, Генрих Лев добивается у папы разрешения отправиться во главе северогерманских князей в другой крестовый по-

ход против соседних язычников — славян. Этот поход кончился полным провалом. Генрих Лев интриговал против императора Конрада III, а после смерти последнего — против Фридриха Барбароссы, пока не получил от императора герцогства Баварии. Таким образом, этот „основоположник будущей Германской империи" (кстати сказать, итальянец по происхождению), интриговал против германского императора просто потому, что он добивался для себя богатого герцогства. Борьба Генриха Льва против империи — это прежде всего борьба феодала за свое „право" грабить без ограничений со стороны императора.

В 1160 г. Генрих Лев возобновил свой поход против ободритов. Героическое сопротивление славян на этот раз не спасло их: земля ободритов была захвачена Генрихом Львом, который роздал ее своим вассалам и обложил высокой данью. Притом и здесь мы видим чисто хищническую и феодальную сущность его политики. В это время в его политике берут верх интересы его борьбы со своими немецкими соперниками, и он пытается склонить славян помогать ему в этой борьбе. Из этих соображений Генрих Лев возвращает ободритам большую часть отнятых у них земель, на которых возникает зависимое славянское княжество Мекленбург. Хищническая политика и насильственное онемечение в этой земле продолжались и впередь. Тем не менее самый факт формального возвращения завоеванных земель ради борьбы с немецкими соперниками с помощью славян достаточно характеризует „основоположника будущей Германской империи".

Перейдя к истории захватнических войн духовно-рыцарских орденов против литовских и финских народов Прибалтики, преподаватель должен подчеркнуть, что эти захваты открывают новый этап в грабительской политике немецкого „натиска на Восток". В XIII веке агрессия принимает более бурный характер, потому что она проводится по путям, проложенным раньше купцами, и пользуется основанными этими купцами опорными пунктами на побережье Балтийского моря. Маркс, говоря о купцах, проложивших впервые путь немецким захватам, подчеркивает, что к середине XII века „у них были уже *фактории в Эстляндии*, позднее на Двине *(в Лифляндии)*, они заложили Кирхгольм и Икскюль и могли укреплять свои *фактории*"[1]. Уже немецкие купцы сделали первые попытки подчинения живших в Прибалтике народов путем использования их взаимной борьбы и путем приобщения их к христианству. Купцы действовали поэтому в контакте с папством. Христианская проповедь применялась в данном случае всем аппаратом католической церкви для обеспечения засилия немецких купцов в Прибалтике.

Для того, чтобы под видом распространения христианства подготовить насильственный захват прибалтийских земель и

---

[1] *Маркс.* Хронологические выписки („Архив Маркса и Энгельса", т. V стр. 340).

порабощение его населения, назначенные папой епископы организовали духовно-рыцарский орден Меченосцев, который завоевал Ливонию, а затем и Эстонию. Несколько позже вернувшийся из Палестины Тевтонский орден утвердился на Нижней Висле и приступил к завоеванию земли живших здесь пруссов, народа литовского племени. Пруссы оказали сильное сопротивление, и завоевание их земель затянулось надолго. Кроме того, немецкие рыцари стремились к дальнейшим захватам в русских областях. Чтобы объединить свои силы, оба ордена слились в один Тевтонский орден, владения которого охватывали обширные районы Прибалтики.

Изучая ход этих войн ордена, необходимо прежде всего подчеркнуть, что тевтоны представляли в то время сильную военную организацию, снабженную самым совершенным для того времени вооружением. Всякому новшеству в области вооружений „духовное" воинство придавало гораздо большее значение, чем распространению христианства. В арсенале ордена имелись пушки самого крупного калибра, самые сильные тараны и другие виды известного в то время вооружения. Воинство ордена представляло собой тяжело вооруженную конницу, которая со времен крестовых походов сделалась решающей силой во всех сражениях. В столкновениях с пруссами и другими народами Прибалтики перевес вооружения на стороне ордена был огромным. Руководители ордена старались внедрить в него железную военную дисциплину. Вся жизнь „братьев" подчинялась интересам захватнической войны. Действовали они со всей беспощадностью, опустошая земли и истребляя их население: мужчин, женщин и детей. Тем не менее, мы видим, что слабо и примитивно вооруженные и к тому же разрозненные племена Прибалтики оказали тевтонам упорное сопротивление и нанесли им тяжелые удары. Особенно упорно боролись пруссы, покорение которых продолжалось 53 года (1230—1283). Покорены пруссы были не в результате победы над ними в сражениях, а в результате постепенного разорения страны внезапными нападениями во время сельскохозяйственных работ и застройки всей страны крепостями, совершенно неприступными для военной техники пруссов. Большую роль в покорении пруссов сыграла их борьба с поляками и их внутренняя разрозненность: они были разделены на 11 племен. Во время покорения Ливонии орденом Меченосцев русские князья были заняты борьбой с литовцами. Всеми этими моментами немецкие рыцари искусно пользовались. Военных же побед по существу почти не было.

Со всей решительностью необходимо, восстанавливая историческую истину, рассеять ложь о „культурной миссии" немцев на Востоке. Бранденбургские маркграфы и саксонские герцоги, истребляя славянские племена, разрушали сложившуюся веками, сравнительно высоко развитую культуру сельского хозяйства и торговли. Насильственное онемечивание захваченных славянских земель проводилось путем искус-

ственного насаждения нового сельского и городского хозяйства, сделавшегося впоследствии образцом самого отвратительного крепостничества и рассадником самого подлого мещанства. На этой почве сложился такой „новый порядок", при котором вся жизнь людей подчинена исключительно постоянной подготовке хищнических и грабительских войн. Привилегии немецкого сельского населения скоро сменились всеобщим порабощением собственного народа военно-феодальной кликой в самой отвратительной форме. Что же касается „благодеяний" Тевтонского ордена в землях Прибалтики, то они лучше всего охарактеризованы Марксом в „Хронологических выписках", показавшим, каким образом эти земли были превращены в арену немецкого паразитизма, убийства и грабежа.

„Для обремененного долгами голодного немецкого рыцарства,— писал Маркс,— *это занятие* было гораздо более удобным, чем опротивевшее ему дело в святой земле; *немецкие горожане* присоединялись к рыцарству, так как им было разрешено *„основывать" свободные города*; также и *„свободное крестьянство"*, которому была предложена собственность на сносных условиях. „Рыцари" неистовствуют, как испанцы в Мексике и Перу; пруссы храбро сопротивляются, но все более и более изнемогают, чужеземные завоеватели проникают вглубь страны, вырубают леса, осушают болота, уничтожают *свободу и фетишизм коренного населения, основывают замки, города, монастыри, сеньерии и епископства немецкого образца*. Там, где жителей не истребляют, их *обращают в рабство*" [1].

О „новых порядках", введенных немцами в покоренной Пруссии, Маркс пишет, что „к концу XIII в. цветущая страна была превращена в пустыню, на месте деревень и возделанных полей появились леса и топи, жители были частью перебиты, частью уведены, частью вынуждены выселиться в Литву" [2].

Государство Тевтонского ордена сделалось очагом рыцарей-разбойников всей Германии. Отовсюду собирались они сюда для организации новых грабительских нашествий. Примером могут служить рыцарские походы XIV века на Литву. Правдивое описание одного из этих походов дано одним старинным поэтом. Из этого описания видно, что там, где требовалась храбрость перед лицом опасности, там „рыцари" трусили и прятались. Там же, где победа обещала быть легкой, не церемонились ни с чем и забавлялись видом перебитых литовцев и зрелищем уводимых „в плен" женщин, „у которых было привязано по два ребенка, один спереди, один сзади".

---

[1] *Маркс.* Хронологические выписки („Архив Маркса и Энгельса", т. V, стр. 342—343).

[2] Там же, стр. 344.

Такова та культура, которую насаждали немцы в своем „натиске на Восток".

К счастью для истории человечества, рыцари были остановлены в своих стремлениях к дальнейшим грабительским захватам. Эти факты жестоко разоблачают вздорные утверждения о „непобедимости" немцев как высшей расы. Уже те удары, которые наносили немецким захватчикам вождь ободритов Никлот и племена пруссов, достаточно разбивают это ложное самохвальство немецких фашистов. Но если слабые разрозненные племена западных славян и пруссов, несмотря на героическое сопротивление, были истреблены в неравной борьбе, то великую заслугу перед историей человечества обрел великий русский народ, разбивший немецких рыцарей в знаменитом „Ледовом побоище" 1242 г. Этот подвиг Александра Невского Маркс охарактеризовал классически кратким замечанием:

„Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты (die Lumpacii) были окончательно отброшены от русской границы"[1].

Тем самым уже в XIII веке русский народ спас мир от дальнейшего распространения немецко-рыцарского варварства.

Следующий крупный удар по Тевтонскому ордену был нанесен в XV веке объединенными силами славян и литовцев. Этому объединению, сложившемуся к концу XIV века, в значительной степени содействовала агрессивная политика ордена.

В состав Литвы, заключившей в 1386 г. унию с Польшей, входили Белоруссия, значительная часть Украины и западнорусских земель. Когда в начале XV века агрессивные планы ордена довели дело до войны, то в выступивших против ордена литовско-польских войсках оказались военные силы белоруссов и украинцев и русские полки из Смоленска, Витебска и Полоцка, входивших тогда в состав литовско-русского государства. Орден, привыкший до сих пор бить каждого из своих противников в отдельности, не был подготовлен к вооруженной встрече с объединенными силами своих врагов. В знаменитой битве при Грюнвальде 15 июня 1410 г. он был разбит. Необходимо подчеркнуть решающую роль русских полков в этой борьбе. Когда литовские части, занимавшие свои позиции против правого крыла войск ордена и принявшие на себя первый удар, не выдержали натиска рыцарской конницы и обратились в бегство, то русские полки вторглись в расположение войск ордена, расстроили их ряды и, отбив все контратаки рыцарей, подготовили разгром тевтонской армии, который и был завершен поляками, атаковавшими центр и левое крыло войск ордена.

Это поражение Тевтонского ордена при Грюнвальде, окон-

---

[1] *Маркс.* Хронологические выписки („Архив Маркса и Энгельса", т. V, стр. 344).

чательно подорвавшее его силы, имеет большое историческое значение, так как оно поставило предел дальнейшему „натиску на Восток“ немцев и тем самым обеспечило в дальнейшем самостоятельное свободное развитие славянских народов. Это же событие является блестящим примером разгрома немецких захватчиков и любителей легких побед объединенными силами славянских и других народов, ставивших выше всего свою национальную независимость.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс. Хронологические выписки („Архив Маркса и Энгельса“, т. V).
Лависс Э. Очерки по истории Пруссии.
Зутис Я. Я. Битва при Грюнвальде („Историч. журнал“ 1941, № 9).

7. АНГЛИЯ XI—XV ВЕКОВ

При прохождении этого раздела учитель должен руководствоваться словами товарища Сталина в его речи на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1941 г., что Англия принадлежит к тем демократическим государствам, в которых „имеются элементарные демократические свободы, существуют профсоюзы рабочих и служащих, существуют рабочие партии, существует парламент“ [1]. Хотя развитие демократия в Англии относится к более позднему времени, ко времени буржуазной революции и особенно к XIX веку, но происхождение ряда тех учреждений, которые теперь являются главными опорами демократии, и прежде всего происхождение парламента, относится еще к средневековью. Английский парламент существует непрерывно, начиная с середины XIII века, и в его устройстве и до настоящего времени сохранилось много старинных черт. Уже в XIII веке некоторая часть населения получила известные гарантии против произвола центральной власти и ее органов, ничем не ограниченного в современных фашистских государствах.

Вопрос о развитии политических свобод должен занять центральное место при изложении данного периода английской истории. При этом преподаватель не должен, конечно, забывать, что мы имеем дело с феодальным, иерархически построенным обществом, где большая часть населения состояла из крепостных, не пользовавшихся никакими политическими правами. „Вольности“ были в первую очередь вольностями для крупных феодалов (баронов), потом для мелких феодалов и богатых граждан, отчасти для остального свободного городского и сельского населения, но не для основной массы населения тогдашней Англии — крепостного крестьянства.

Две основные темы естественно выдвигаются здесь на первый план. „Великая хартия вольностей“ и „Происхождение парламента“. При анализе „Великой хартии“ надо обратить

[1] *Сталин*, XXIV годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Госиздат УзССР, Ташкент, 1941, стр. 17.

особое внимание на §§ 12 и 39. § 12 устанавливает, что новые налоги с феодалов могут взиматься лишь с согласия „общего совета королевства". Это была попытка ограничить налоговые права королевской власти. В § 39 король обещал не сажать никого в тюрьму, не лишать имущества, не объявлять вне закона и не высылать из страны иначе, как по законному приговору суда и по законам страны. Этим у короля отнималась возможность арестовывать любых лиц по своему произволу. Данным параграфом феодалы хотели оградить себя от мести короля, который был раздражен восстанием феодалов и горожан и лишь крайне неохотно, под влиянием силы, согласился на подписание Хартии. Но в дальнейшем этот параграф стал гарантией гражданских прав для всех англичан, и в XVII веке его предписания были распространены на все население в акте о Habeas corpus.[1]

К Великой хартии надо вернуться при прохождении истории английской буржуазной революции и подчеркнуть, что деятели революции постоянно ссылались на Великую хартию в подтверждение политических прав английских граждан. При этом они придавали Великой хартии гораздо более широкое значение, чем она имела в XIII веке, видя в ней гарантию политических прав не только верхушки феодального общества, но и всех „свободнорожденных англичан". Надо указать, что и современная демократическая Англия гордится Великой хартией, как первой декларацией политических прав английских граждан. Можно отметить, что хотя Великая хартия была хартией вольностей прежде всего для баронов и рыцарей, но она не забывала и интересов купцов, облегчив условия торговли в Англии и подтвердив права городов; не были забыты и свободные крестьяне, которым феодалы обещали не брать с них больше, чем это было установлено обычаем. Хотя крепостные крестьяне были оставлены в прежнем бесправном положении, но королевские агенты не должны были разорять их чрезмерными штрафами: у крестьянина нельзя было отнимать его хозяйственного инвентаря. Правда, этим охранялись прежде всего интересы помещика, заинтересованного в сохранности хозяйства крепостных крестьян, но косвенная защита давалась и крепостному.

Хотя крепостные и не получили по Великой хартии никаких прав, „но,— как отмечает Маркс,— *число их в Англии все больше уменьшалось*, в то время как *число горожан, мелких вассалов и небогатых фригольдеров (свободных крестьян)* очень увеличилось; эти *свободные горожане и крестьяне* причислялись вместе *с баронами и епископами к свободным людям королевства*, для которых по *первому* параграфу *Великой хартии* были предназначены заключавшиеся в ней привилегии".[2]

---

[1] История средних веков. Учебник для средней школы, глава XXXV, стр. 273—277.

[2] *Маркс*. Хронологические выписки („Архив Маркса и Энгельса", т. V, стр. 182).

При рассмотрении вопроса о происхождении парламента надо подчеркнуть силу парламентской традиции в современной Англии. Парламент в настоящее время сохранил ряд особенностей, отличавших его в XIII—XIV веках. Парламент и тогда, как и теперь, разделялся на две палаты (Нижнюю, или Палату общин, Верхнюю, или Палату лордов), причем первая являлась выборной, а вторая — наследственной. Но в то время как в средние века в палату общин выбирали только ограниченные круги населения, теперь в Англии установилась система выборов, близкая к всеобщей подаче голосов. Палате общин и тогда, как и теперь, принадлежало решающее слово в вопросе о разрешении налогов. Учитель должен привести слова товарища Сталина об Англии как стране демократической, охарактеризовать значение парламента в системе буржуазной демократии и указать его исторические корни. Подробнее к той же теме придется вернуться при прохождении истории английской буржуазной революции.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс. Хронологические выписки („Архив Маркса и Энгельса", т. V, стр. 178—184, 301—308).

Памятники истории Англии XI—XIII вв., под редакцией *Петрушевского.* М., 1936.

8. ЖАННА Д'АРК

При прохождении истории Франции XII—XV веков[1] надо обратить особое внимание на историю великой французской патриотки, крестьянской девушки Жанны д'Арк. Учитель должен указать, что положение Франции в 20-х годах XV века во многом похоже на ее положение в настоящее время. Франция переживала небывалое национальное унижение. Северная половина ее со столицей Парижем была оккупирована неприятелями-англичанами, как теперь она оккупирована немцами. Английский король провозгласил себя королем Франции. Многие французские вельможи искали милостей у английского короля. Законный наследник французского престола, Карл VII был совершенно непригоден к делу освобождения Франции от агрессоров. Это был слабохарактерный молодой человек, проводивший время в праздности и удовольствиях, находившийся под влиянием придворных, которые думали лишь о своих личных выгодах. Он не любил, когда ему напоминали о лежавшем на нем долге перед страной. Между тем оккупанты и их союзники-бургундцы грабили и разоряли страну. Промышленность и торговля пришли в полное расстройство. Города плохо снабжались и голодали. Но особенно страдали крестьяне от постоянных поборов и грабежей. Поля их опустошались, дома разорялись, им приходилось бежать в леса,

[1] История средних веков. Учебник для средней школы, глава XIII, стр. 110—122.

спасая свою жизнь, или вести партизанскую борьбу с захватчиками. Последние готовились к захвату еще неоккупированной части Франции к югу от Луары и приступили к осаде Орлеана, который был ключом к южной Франции.

В широких массах французского народа и особенно среди крестьянства поднялось возмущение против наглых действий оккупантов. Крестьяне возлагали надежду на королевскую власть, которая должна была изгнать врагов из пределов Франции, наказать изменников-феодалов и прекратить смуту в самой стране.

К этому времени (1429 г.) относится выступление Жанны д'Арк. Она родилась около 1412 г. в деревне Домреми, лежавшей между Шампанью и Лотарингией. Ей было около 3 лет, когда английские и бургундские отряды стали опустошать ее родину. Подверглось разрушению и селение Домреми. Среди крестьян росло убеждение, что пришло время спасти Францию от иноземных завоевателей. Согласно верованиям той эпохи, ждали помощи свыше, от бога. Жанна д'Арк, вырастая, прониклась этими настроениями. Ей стало казаться, что она призвана спасти Францию и передать власть над ней королю Карлу. Это убеждение охватило нервную и возбужденную девушку так сильно, что ей стали наяву мерещиться голоса, призывающие ее спасти Францию. Долго она не знала, что ей делать; наконец, когда ей исполнилось 18 лет, она решила последовать тому, что она считала своим призванием.

Она пошла к коменданту ближайшего города Вокулера Бодрикуру и просила отправить ее к Карлу. Бодрикур сначала посмеялся над ее просьбой. Но истомленное войной и ненавидевшее иностранных насильников население города отнеслось к ней иначе. В ней увидели посланницу бога, призванную спасти Францию, и Бодрикуру, наконец, пришлось исполнить ее просьбу и отправить ее к Карлу. Жанна благополучно проделала опасный путь через области, занятые англичанами и бургундцами, и прибыла ко двору Карла (в городе Шиноне). Придворные Карла не хотели допустить к нему девушку, возбуждавшую энтузиазм в народных массах. Лишь с большим трудом ей удалось добиться свидания с королем и убедить его и придворное духовенство в своем призвании. Ей разрешили отправиться с отрядом в город Орлеан, который осаждали англичане. На пути Жанна д'Арк всюду возбуждала в народе патриотическое одушевление. Она ехала в рыцарском вооружении на белом коне с знаменем королевства Франции (белое знамя с золотыми лилиями).

Жанне д'Арк удалось вступить в Орлеан. Она лично приняла участие в битвах за освобождение Орлеана от осады. Всюду она была впереди, воодушевляя французских бойцов и наводя суеверный ужас на врагов. Военными действиями руководили генералы Дюнуа и ла-Гир, но она нередко давала им ценные советы. Действия под Орлеаном окончились полным успехом: оккупанты были разбиты и принуждены снять осаду

с города. Впечатление, произведенное этими событиями, было огромно. Волна патриотического одушевления охватила даже тех, кто до этого времени занимал колеблющуюся позицию и склонялся к признанию иностранной власти. Все верили в то, что Жанна д'Арк призвана спасти Францию.

Между тем французское войско одерживало одну победу за другой. Враги понесли огромные потери. Одни их генералы попали в плен, другие бежали. Под влиянием Жанны д'Арк повысилось моральное состояние французского войска и его дисциплина. Жанна расчистила Карлу дорогу к Реймсу, где издавна короновались французские короли, и там произошел торжественный обряд коронования, во время которого Жанна держала королевское знамя. Жанна считала свою миссию выполненной. „Она бросилась к ногам сюзерена Карла VII, просила отпустить ее, так как она уже выполнила свою задачу; но он задержал ее, чтобы использовать и в дальнейшем“ [1].

Французы захватывали всё новые города, и Жанна д'Арк убеждала короля немедля итти на Париж и овладеть столицей. Но трусливый и вялый король всё не решался на этот шаг. К тому же против Жанны д'Арк интриговали придворные Карла, боявшиеся, что от них ускользнет влияние на короля. Это дало оккупантам возможность собрать большие силы для обороны Парижа. После долгих колебаний король согласился двинуться на Париж, но, встретив отпор, упал духом и велел отступать, несмотря на протесты раненной во время штурма Жанны. Этой неудачей воспользовались враги Жанны, придворные Карла, чтобы оклеветать Жанну, приписать ей вину за неудачу под Парижем и подорвать ее авторитет. „Для *королевской и аристократической* партии крестьянская девушка также была бельмом на глазу“ [2]. От нее решили отделаться.

„Весной 1430 г. герцог Бургундский... осадил Компьень. Жанна д'Арк поспешила туда, приняла участие в одной вылазке... и *прикрывала отступление*, когда перед самым ее носом *заперли ворота (Компьеня)* и подняли мост...“ [3]

Она попала в плен к бургундцам, которые продали ее англичанам. Оккупанты решили подвергнуть ее позору и мучительной казни. Был образован церковный суд из французских изменников под председательством гнусного епископа Кошона. Cauchon по-французски значит свинья, и Маркс называет епископа „воистину свиньей“ [4].

Жанну заперли в башню в Руанском замке, приковали к стене за шею, руки и ноги. Ее подвергали пристрастному допросу, прибегали к запугиваниям, может быть к пыткам, старались сбить ее, запутать, неправильно записывали ее показания. Целью суда было доказать, что Жанна действовала

---

[1] *Маркс*. Хронологические выписки („Архив Маркса и Энгельса“, т. VI, стр. 327).
[2] Там же, стр. 328.
[3] Там же, стр. 328.
[4] Там же, стр. 328.

по наущению дьявола, что она ведьма и еретичка. Несмотря на то, что она держалась на допросе правдиво и мужественно и часто смущала судей своими ответами, ее нашли виновной во всех возведенных на нее преступлениях. Суд приговорил ее к суровому пожизненному заключению. Но оккупанты заставили Кошона добиваться для нее смертного приговора. Кошон добился этого. „Дело с нею покончено, будьте спокойны“,— весело заявил он оккупантам. 30 мая 1431 г. Жанна д'Арк была сожжена на площади в Руане.

Гнусное преступление — сожжение великой французской патриотки, крестьянской девушки Жанны д'Арк — не помогло захватчикам и их французским прихвостням. Общенародный подъем, который так ярко выразился в деятельности Жанны д'Арк, сплотил в патриотическом порыве и крестьянство, и буржуазию, и большую часть дворянства. Дело англичан во Франции было проиграно. В 1453 г. Столетняя война закончилась изгнанием оккупантов из Франции (в их руках остался только город Кале). Жанна д'Арк осталась в памяти французского народа как великая национальная героиня. Ее образ воодушевляет свободолюбивый французский народ в его борьбе с немецко-фашистскими оккупантами и клеймит вечным позором изменников, предающих национальное дело свободной Франции.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс. Хронологические выписки („Архив Маркса и Энгельса“, т. VI, стр. 327—329).

9. ЧЕХИЯ XII—XV ВЕКОВ

При прохождении этой темы учитель должен подчеркнуть, что славянское государство Чехия, входя в состав „Священной Римской империи“, пользовалась в ней полной самостоятельностью. Правитель Чехии, один из всех князей империи, носил титул короля. Чехия была самым сильным и влиятельным из княжеств, входивших в состав империи. При Пршемысле II (1253—1278) Чехия включала в свой состав Австрию, Штирию, Каринтию, Крайну и простиралась почти до Адриатического моря. При Карле IV Люксембурге (1346—1378), который был одновременно чешским королем и императором „Священной Римской империи“, Прага стала столицей империи; Чехии принадлежала руководящая роль в имперских делах. Так опровергаются злобные измышления германских фашистов, будто славяне представляют низшую расу и неспособны к созданию самостоятельных государств. В середине XIV века, когда престол „Священной Римской империи“ занимал чешский король, а большая часть владений Византийской империи была завоевана сербским королем Стефаном Душаном, принявшим титул „Царя сербского и греческого“, обе императорские короны Европы фактически находились в руках славянских государей. К этому же времени относится объединение и усиление

еще одного славянского государства — Польши при Казимире III (1333—1370) и первые успехи Руси вокруг Москвы. Надо при этом отметить, что в Праге и в Кракове университеты открылись раньше, чем в каком-либо немецком городе (в Праге — в 1348 г., в Кракове — в 1364 г., в Германии первый университет был открыт в Гейдельберге в 1378 г.). Пражский университет был крупнейшим центром культуры в Европе. Тут же можно указать, что славянские страны уже в средние века дали человечеству ряд крупнейших гениев, проложивших новые пути в науке. Николай Коперник, основатель современной астрономии, был поляком, Ян Амос Коменский, основатель новой педагогики, был чехом. Этим вполне опровергаются нелепые бредни германских „расистов" о расовой „неполноценности" славян, культуру которых германский фашизм хочет варварски растоптать и уничтожить.

При изложении истории гуситского движения учитель должен отметить его национальный характер и рядом с его экономической, политической и религиозной стороной подчеркнуть его культурное значение. Гус и гуситы были чешскими патриотами, отстаивавшими исконную самостоятельность своего государства и свою национальную культуру, которую немцы хотели растоптать. Учитель должен дать характеристику Гуса и Яна Жижки как национальных героев Чехии.

Характеризуя деятельность Гуса, учитель должен указать, что он являлся борцом за прогрессивную национальную культуру Чехии против реакционных стремлений немецкого духовенства и феодалов. Гус выступал против нелепых учений и обрядов католической церкви, против злоупотреблений духовенства, против индульгенции, потом и против папской власти, за доступность проповеди широким слоям народа, между тем как немецкое духовенство, поддерживаемое ф одалами, настаивало на сохранении отживающего католичества в его самой реакционной форме. Проповедь Гуса в Праге на чешском языке вызывает энтузиазм народных масс и бешеную ненависть немцев. „Как защитник национальных и народных прав Гус становился тем популярнее среди чехов, чем яростнее нападали на него немецкие остолопы"[1].

По настоянию немецкой партии, в Праге были публично сожжены сочинения великого английского мыслителя Виклефа, идеи которого разделял Гус,— зрелище вполне в духе современных немецких фашистов! Гусу пришлось удалиться из Праги. Во время своего изгнания „он выпустил на чешском языке 15 сильно написанных трактатов и исправил также чешский перевод библии"[2]. Этим Гус содействовал выработке чешского литературного языка.

Надо остановиться на истории суда над Гусом и его казни. Гус был вызван к ответу на Констанцский собор (1414.) Гер-

[1] *Маркс.* Хронологические выписки („Архив Маркса и Энгельса", т. VI, стр. 214).

[2] Там же, стр. 216.

манский император Сигизмунд обещал ему свою защиту и дал охранную грамоту. Приезд Гуса в Констанцу был триумфальным шествием. Всюду его встречали с почетом не только чехи, но и немецкие народные массы. Это еще более озлобляло немецких феодалов и духовенство. Когда Гус прибыл на собор, он был арестован по настоянию немецкого духовенства. Что же касается Сигизмунда, то „этот жалкий паразит, тунеядец, попрошайка, кутила, пьяница, шут, трус и фигляр“ [1] и не подумал за него заступиться. Несмотря на неоднократные протесты чехов, видевших в аресте Гуса оскорбление всего чешского народа, Гус не был освобожден, его подвергли еще более строгому заключению, заковали в кандалы, морили голодом. Приговор против Гуса был готов еще до суда. Когда Гуса ввели для допроса на заседание собора, здесь его встретили криками и бранью и не давали говорить [2]. „Казалось,— пишет современник,— что это дикие звери, а не ученые мужи, собравшиеся для обсуждения великих и важных дел“. Собор потребовал от Гуса отречения. Но Гус мужественно отказался отречься от того, что он считал истиной. „Как дерзну посмотреть в глаза народу,— сказал он,— если по моей вине поколеблются его вековые убеждения?“. Собор осудил Гуса на сожжение. „6 июля 1415 г. попы предали Гуса в руки светских властей. *Сигизмунд — исполнитель приговора* псов-попов, Людвиг Пфальцский — их палач, *Констанцский магистрат* — их жандарм“. [3]

Гус мужественно встретил смерть. Один из его противников так описал его последние минуты: „Он шел на смерть, как на веселый пир. Ни один вздох не вылетел из его груди. Нигде не обнаружил он ни малейшего признака слабости“. Подлое убийство Гуса при непосредственном участии германского императора и ряда немецких князей и высших духовных лиц вызвало общее возмущение в Чехии и ускорило назревавшее общенародное восстание против немцев.

Говоря о Гусе, необходимо подчеркнуть, что его деятельность выходит за рамки национальных интересов Чехии, что она имела огромное значение для всей Европы и в том числе для германского народа. Реформация, охватившая в XVI веке ряд стран Европы и особенно Германию, в своей критике католической церкви и в своем вероучении повторяла идеи Гуса. Лютер признавал свою зависимость от учения Гуса и называл себя гуситом.

При изложении истории гуситских войн следует остановиться на военной тактике таборитов и на героической личности Яна Жижки.

Армия таборитов была подлинно народной армией, состоявшей из крестьян, ремесленников и горнорабочих. Такие плохо

---

[1] *Маркс.* Хронологические выписки („Архив Маркса и Энгельса“, т. VI, стр. 218).

[2] Там же, стр. 218.

[3] Там же, стр. 219.

вооруженные и необученные армии восставшего народа обычно были бессильны перед закованными в железо, опытными в военном деле рыцарями. Но вождям таборитов и среди них прежде всего Яну Жижке удалось найти такие методы ведения войны, которые позволили их народным армиям не только отразить „крестовые походы" немцев на Чехию, но и перейти в наступление, навести ужас на феодалов всей Германии, дойти в своих победоносных походах до Балтийского моря. Гуситские войска приобрели славу непобедимых, и немецкие рыцари не раз бросались бежать, лишь заслышав об их приближении. Какими же средствами Жижка и другие вожди таборитов превратили отряды крестьян, ремесленников и горнорабочих в непобедимую армию?

С исключительным искусством Жижка сумел использовать те скудные средства, которые были в распоряжении у крестьян: телеги, цепы, топоры, крючья, для того, чтобы создать тактику, которая обеспечивала бы гуситским войскам победы над тяжело вооруженной рыцарской конницей. Постепенно в ходе войн эта тактика совершенствовалась. В основу ее было положено укрепление из повозок (вагенбург). Для боя эти повозки занимали по возможности возвышенную позицию: они выстраивались в круг, скреплялись цепями, между ними укреплялись деревянные щиты. Такие же щиты укреплялись под повозками, чтобы не дать неприятельским воинам пролезть под ними. На повозках располагались защитники вагенбурга, вооруженные палицами, топорами, баграми, а особенно цепами, которые оковывались железом. Здесь же ставились лучники и арбалетчики. Гуситы завели также легкие пушки, которые укреплялись на телегах. Рыцарям приходилось спешиваться, чтобы атаковать вагенбург. В своем тяжелом вооружении они должны были лезть вверх на холм, где располагались телеги. Здесь их встречали залпом из пушек, градом камней и стрел и, наконец, ударами палиц, топоров, цепов и багров, если им удавалось добраться до телег. Укрепление из телег оказывалось непреодолимым для рыцарей, и тогда на их расстроенные ряды набрасывалась находившаяся внутри кольца телег пехота, выходившая через оставленные для этого проходы. У гуситов заводится и кавалерия, для чего было использовано вооружение, отобранное у пленных рыцарей. Кавалерия обычно выстраивалась также внутри вагенбурга и выжидала момента, когда ряды врагов будут расстроены, чтобы довершить их разгром. Сначала для устройства вагенбурга употреблялись обыкновенные крестьянские телеги, потом стали устраиваться специально для этого приспособленные повозки. Часто перед вагенбургом выкапывался ров и колеса забрасывались землей, чтобы придать телегам больше устойчивости. В защите вагенбургов деятельное участие принимали женщины, которых было много в войсках таборитов.

С 1420 по 1431 г. германским императором было организовано пять крестовых походов против чехов. Все они окончи-

лись позорными неудачами. Конечно, не одно лишь тактическое превосходство дало чехам победу над немцами. Даже немецкие историки принуждены признать, что виднейшую роль при этом сыграло национальное одушевление. В армии Жижки господствовала суровая дисциплина. Он сам написал для своих войск особый военный устав. Вражеская стрела выбила у Жижки его единственный глаз. Но он и слепым продолжал руководить сражениями, и одно его присутствие внушало чехам уверенность в победе.

Жижка был великим чешским патриотом, понимавшим значение активной борьбы с немцами, стремившимися поработить чехов и другие славянские народы. „*Жижка... обратился к крестьянам и всему чешскому населению*, призывая их *не доверять ни одному немцу и не щадить ни одного немца*“ [1].

В одном из своих боевых приказов он заявлял, что поднял оружие для освобождения чешского народа и всего славянства. После его смерти во главе таборитских войск стал талантливый полководец Прокоп Большой, под руководством которого чехи перешли от обороны своей страны к вторжению в немецкие земли. Табориты всюду разносили свое учение. Деревенская и городская беднота Германии жадно впитывала идеи таборитов, которые потом сказались и на движениях народных масс Германии.

Войска гуситов были непобедимы. Попытки немцев выдвинуть против подвижных гуситских армий с их легкой артиллерией тяжелые пушки не привели ни к чему.

„Главные надежды в войне с Чехией,— иронизирует Маркс,— эти ослы возлагали *на одну большую пушку с каменными ядрами в 150—200 фунтов*“ [2]. В „Хронологических выписках“ Маркса можно прочитать описание позорных поражений немцев при Усти[3] и при Тауссе[4].

Значение гуситских побед было всё же значительно ослаблено изменой „умеренных“ (чашников), нанесших таборитам путем предательства поражение при Липанах (1434). Но гуситское движение навек осталось самой героической страницей в истории чешского народа. Имена Гуса и Жижки являются священными для чешских патриотов и для всего славянства, в наши дни снова напрягающего все свои силы в борьбе с немецкими захватчиками.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс. Хронологические выписки („Архив Маркса и Энгельса“, т. VI, стр. 211—244).

Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, т. III, М., 1938, стр. 3 0 и 370.

Флейшганс. Ян Гус, 1916.

Томек, Ян Жижка, М., 1889.

---

[1] *Маркс,* Хронологичсские выписки („Архив Маркса и Энгельса“, т. III, стр. 226).

[2] Там же, стр. 231—232.

[3] Там же, стр. 231.

[4] Там же, стр. 235.

10. НИДЕРЛАНДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

При прохождении истории нидерландской революции учитель должен обратить внимание учащихся на факты, перекликающиеся с событиями великой войны свободолюбивых народов мира против германского фашизма. Учитель должен: 1) отметить методы беспощадной эксплоатации и жестокого террора, применявшиеся в XVI веке испанскими оккупантами по отношению к населению Нидерландов, и указать на сходство этих методов с теми, которые применяются фашистской Германией по отношению к тем же Нидерландам (Бельгии и Голландии) и к другим захваченным Германией странам Европы; 2) указать на приемы партизанской войны, выматывавшей силы оккупантов, державшей их в постоянном страхе и напряжении и сыгравшей крупнейшую роль в борьбе за освобождение от испанского ига; 3) подчеркнуть значение нидерландской революции как героической страницы в истории свободолюбивых народов Голландии и Бельгии и указать, что борьба за свободу является славнейшей национальной традицией этих народов, выступающих теперь опять на борьбу с варварами-поработителями.

Приступая к изложению истории нидерландской революции, учитель должен указать, что Нидерланды — самая передовая по экономическому развитию страна Европы — находилась в зависимости от наиболее феодально отсталой, наиболее реакционной страны — Испании. Испанское правительство смотрело на Нидерланды только как на источник доходов, которые тратились на совершеннно бесполезные для Нидерландов военные затеи Испании. В то же время испанское правительство стремилось подавить политическую автономию Нидерландов и задушить в них национально-освободительное движение, облекавшееся в религиозную форму протестанства и анабаптизма. Не решаясь ввести официально в Нидерландах инквизицию, Карл V в своих указах („плакатах“) вводит ее фактически. „Плакат“ Карла V 1550 г. составлен в таких выражениях, что под обвинение в ереси можно подвести кого угодно. За „ересь“ полагалось одно наказание — смертная казнь и конфискация имущества. Мужчинам рубили головы, женщин живьем закапывали в землю. „Упорствующих“ жгли на кострах. Всячески поощрялись доносы, причем часть имущества „еретика“ шла в пользу доносчика. Судьям было запрещено смягчать наказание, воспрещалось также просить о помиловании „еретиков“. Этот террористический режим, вместе с финансовой эксплоатацией, усиливается при Филиппе II, особенно же после того, как под предлогом религиозных волнений страна была оккупирована испанскими войсками под предводительством герцога Альбы (1567). Учрежденный Альбой „Совет о беспорядках“, получивший название „Кровавого совета“,

стал сотнями выносить смертные приговоры. При этом „Кровавый совет“ ставил своей целью не только борьбу с ересью, но и пополнение королевской казны. Казнь сопровождалась конфискацией имущества в пользу короля. Альба хвастался, что он доставил королю таким образом 500 тысяч золотых. Нужно отметить, что установленный Альбой террористический режим в точности напоминает то, что сейчас проделывается гитлеровскими наместниками во всех странах Европы. Даже фраза германских фашистов о „новом порядке в Европе“ не является новостью: ее сказал уже Альба. Он писал Филиппу II: „Нужно создать совершенно новый мир и дай бог справиться с этим, так как уничтожить обычаи, укоренившиеся у такого свободолюбивого народа, как нидерландцы — дело нелегкое. Я буду работать над этим не покладая рук“.

Путем неистового террора Альба хотел водворить в покоренной стране спокойствие кладбища. Он похвалялся, что в течение своей деятельности предал в руки палача 18 тысяч жертв. По словам современника, „столбы и заборы на улицах, подъезды у домов, изгороди на полях — все это было увешано скелетами задушенных, сожженых, обезглавленных; в садах на деревьях в виде ужасных плодов висели человеческие трупы“. Таков был тот „новый порядок“, который Альба, как теперь Гитлер, водворял в покоренной стране.

При изложении событий революции надо отметить огромную роль, сыгранную в войне Нидерландов против Испании отрядами партизан, так называемых „гезов“. Еще до начала организованного восстания население стало уходить в леса. Туда бежали люди, разоренные испанским правительством, скрывавшиеся от казней, оставшиеся без работы. Здесь они создавали отряды „лесных гезов“, нападавших на церкви, монастыри (как главные проводники испанского влияния), на мелкие отряды испанцев. Еще опаснее для испанцев были „морские гезы“.

Для населения прибрежных областей Нидерландов море было родной стихией. На море нидерландские беглецы искали спасения от ужасов „Кровавого совета“, с моря они наносили удары ненавистным врагам. Они нападали на испанские суда и беспощадно истребляли угнетателей своей родины. Морские гезы господствовали над Ламаншем и Северным морем. Они перерезали сообщения между Испанией и Нидерландами.

В английских гаванях они находили укрытие, здесь они запасались провиантом и распродавали захваченную у испанцев добычу. Захват морскими гезами городка Бриля в устье Мааса послужил сигналом к переходу партизанской войны во всенародное восстание.

В начавшейся вслед за тем войне войска испанцев действовали теми методами, которым сейчас подражают гитлеровские палачи. Страшными жестокостями они хотели запугать население. В то же время испанское командование хотело создать „личную заинтересованность“ солдат и офицеров в кро-

вавой войне, предоставляя им для разграбления богатые нидерландские города. Войска Альбы запятнали себя рядом преступлений, уступающих только злодействам гитлеровских бандитов в захваченных ими странах. В Монсе, Мехельне, Зютфене, Наардене, Гаарлеме—везде повторяются одни и те же сцены. Вот как описывается взятие Мехельна: „Испанцы расхитили не только золото, серебро, деньги, одежду и украшения, но и кровати, столы, стулья, шкафы, отнимали даже и потом продавали уголь, дрова, торф ... Здесь была полная свобода грабить, убивать, насиловать женщин...“ После взятия Наардена Альба писал королю, что у граждан перерезаны глотки и ни у одной матери не осталось в живых сына.

Но эти злодейства не возымели ожидавшегося Альбой действия. Население не покорилось, а исполнилось ненависти к жестоким притеснителям и решило драться до последней капли крови, не останавливаясь ни перед какими жертвами. Когда испанцы осадили Лейден, нидерландцы разрушили плотины, затопили свою страну и заставили испанцев бежать от Лейдена. Террористическая политика Альбы провалилась, и он еще до неудачи под Лейденом был бесславно отозван из Нидерландов. Разнуздав свою армию поощрением насилий и грабежей, испанское командование само не могло с ней справиться. Когда произошла заминка в уплате жалованья солдатам, они стали грабить мирные города и резать их население. Так были ограблены Аальст, Маастрихт и ряд других городов. Ужасна была участь богатейшего города южных Нидерландов — Антверпена. Жители его защищались за наскоро воздвигнутыми баррикадами, но солдаты взяли город и три дня опустошали его, вандальски разрушая собранные в нем сокровища искусства. Сгорело свыше 1000 домов, в том числе мраморное здание городского совета, по словам современников, самое великолепное здание в Европе. Испанские солдаты захватили огромную добычу. Многие тысячи граждан были зверски замучены или утоплены в реке. Испанское правительство не только не препятствовало грабежу мирного города, но даже поощряло его. „Это очень большая победа“, — писал королю один из испанских вельмож. Но разгром Антверпена вызвал лишь новый взрыв народного негодования. Всюду раздавались крики: „Смерть испанцам!“. По словам современника, „не было такого ремесленника в мастерской, такого крестьянина в деревне, которые не затратили бы свой заработок на приобретение шлема или мушкета...“ Вскоре все Нидерланды были охвачены пламенем восстания.

Указывая сходство гитлеровских методов ведения войны с гнуснейшими образцами жестокости, которые нам дает история, учитель должен подчеркнуть. что немецкий фашизм далеко оставил за собой величайших злодеев прошлого, в том числе и Альбу. Учитель должен показать, как зверская жестокость завоевателя вызывает ненависть угнетаемого населения, решимость биться до конца и мстить за убитых и поруганных

братьев, сестер, сыновей, дочерей, отцов... Народу северных Нидерландов в героической борьбе с сильнейшей военной державой тогдашней Европы удалось отвоевать свободу и независимость. Результатом нидерландской революции было создание независимой Голландской республики.

В заключение учитель должен указать, что борьба Нидерландов против иноземных угнетателей и стала предметом национальной гордости для народов Бельгии и Голландии. Эти народы считают нидерландскую революцию наиболее славной страницей своей истории. Деятели этой революции — Вильгельм Оранский, Эгмонт, Горн, лесные и морские гезы — являются национальными героями Бельгии и Голландии. Героической борьбе Нидерландов за независимость посвящена гениальная поэма Шарля Костера „Тиль Уленшпигель".

ЛИТЕРАТУРА

Маркс. Хронологические выписки. „Большевик", № 24, 1936.
Энгельс. Армия, Соч., т. XI, ч. II.
Конради. История революций, т. I, М.-Л, 1924.
Пиренн. Нидерландская революция, М., 1937.

11. АНГЛИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVII ВЕКА

Излагая учащимся историю английской буржуазной революции XVII века, преподаватель должен обратить особое внимание на вопросы, имеющие актуальное значение в условиях Великой Отечественной войны.

1. Учитель должен подчеркнуть значение революции XVII века как важнейшего этапа в развитии демократических свобод в Англии. На торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1941 г. товарищ Сталин сказал, что Англия принадлежит к тем демократическим государствам, в которых „имеются элементарные демократические свободы, существуют профсоюзы рабочих и служащих, существуют рабочие партии, существует парламент" [1]. Английская революция была не только крупнейшим политическим выступлением демократических слоев Англии, но и закрепила в Англии парламентский строй, ставший впоследствии одной из основ буржуазной демократии. 2. Учитель должен остановиться на военной стороне английской революции. Он должен показать, как в ходе революции была создана могучая народная армия, как эта армия научилась одерживать победы над силами контрреволюции, как она стала первой армией в Европе, как она сокрушила врагов на континенте. Вместе с этим надо отметить, что именно английская революция создала могучий военный флот Ан-

[1] *Сталин.* XXIV годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Госиздат УзССР, Ташкент, 1941, стр. 17.

глии и положила начало ее преобладанию в морях. 3. Необходимо остановиться на личности Оливера Кромвеля, как выдвинутого революцией великого полководца, организатора армии, государственного человека, необычайно высоко поднявшего международное значение Англии.

Конечно, при этом учитель не должен упускать из виду, что английская революция XVII века была буржуазной революцией, что завоеванные ею свободы были демократическими свободами лишь в очень узком смысле, что деятельность Кромвеля и победы кромвелевской армии укрепили буржуазный строй в Англии. Но для своего времени она сделала великое прогрессивное дело, сокрушив в Англии феодально-абсолютистский строй и очистив почву для более свободного развития производительных сил страны. Таким образом Кромвель, подобно Наполеону (Энгельс называет его Наполеоном и Робеспьером в одном лице), представлял победу прогрессивных сил над силами реакции.

Изучение истории английской революции[1] начинается с вопроса о столкновениях между королем и парламентом при Елизавете и первых двух Стюартах (Якове I и Карле I). При ознакомлении с этим вопросом надо учащихся заставить вспомнить, когда возник парламент, каково было его устройство (верхняя и нижняя палаты, состав той и другой), каковы были его права (разрешение налогов, участие в законодательной деятельности, право привлекать к ответственности и судить советников короны). Надо подчеркнуть выборный состав нижней палаты. Хотя в последней было представлено лишь среднее и мелкое дворянство и городская буржуазия, но всё же населению было предоставлено таким образом известное участие в государственных делах, между тем как в странах, где установилась абсолютная монархия в чистом виде (Франция, Испания), вся власть была сосредоточена в руках короля и его правительственного аппарата, стоявшего на страже интересов феодально-абсолютистского строя. Поэтому для буржуазии и нового (буржуазного) дворянства Англии борьба за власть была прежде всего борьбой за парламент. Учитель должен напомнить учащимся, почему парламент жил в мире с королем при первых Тюдорах (буржуазия и новое дворянство были еще слишком слабы и нуждались в поддержке королевской власти), и перейти к причинам столкновений, начавшихся с конца XVI века. Важно подчеркнуть ту роль, которую играло в этих столкновениях право парламента разрешать налоги. Налоги в большей части не были постоянными, и для нового их взимания требовалось разрешение парламента. Поэтому парламент особенно упорно держится за это право и старается использовать его для давления на королевскую власть, а король особенно тяготится этим правом парламента и старает-

---

[1] История средних веков. Учебник для средней школы, глава XXXII, стр. 243—254.

ся его обойти. Учитель может несколько расширить эту часть изложения. Можно рассказать о „петиции о праве", проведенной через парламент в 1628 г. Петиция эта стремилась установить известные гарантии гражданских свобод. Она требовала, чтобы никого не заставляли платить правительству неустановленные законом налоги и не подвергали преследованиям в случае отказа, и чтобы никого не арестовывали и не держали в тюрьме без законной причины. Попытка короля править без парламента заканчивается военным и финансовым крахом, вызвавшим необходимость снова созвать парламент. Долгий парламент подтверждает основные политические права парламента. В его руках фактически сосредоточивается вся полнота власти. Он сохраняет ее до 1647 г., когда власть переходит в руки армии и вышедшей из ее среды военной диктатуры. Хотя в это время парламент утрачивает прежнее значение, но парламенты продолжают собираться до самого конца революции. Важнейшим вопросом, дебатировавшимся на политическом собрании представителей армии (Армейский совет в Путнее), был вопрос о выборах в парламент. После революции королевская власть уже не решается править без парламента. Новые столкновения приводят к перевороту 1688 г., после которого значение парламента все более увеличивается, а король постепенно теряет всякую фактическую власть. Хотя парламент в XVII—XVIII веках не может быть назван демократическим, хотя он является дворянско-буржуазным, но всё же парламентский строй Англии представляет собой более прогрессивную политическую форму, чем феодально-абсолютистский строй большинства стран Европы. Когда в странах континентальной Европы начинают устанавливаться буржуазные конституции, то образцом представительных учреждений является прежде всего английский парламент. Начиная с реформы 1832 г., состав избирателей в парламент всё более демократизируется, избирательное право всё более приближается ко всеобщему. Рабочий класс Англии ведет упорную борьбу за завоевание парламента. Парламент становится основным политическим органом буржуазной демократии в Англии. Этим Англия отличается от фашистских стран, где парламент фактически уничтожен.

Вопрос о роли армии в истории английской революции и о Кромвеле как великом полководце удобнее не разделять, а рассматривать вместе. Здесь преподаватель должен осветить: 1) роль революционной армии и Кромвеля в гражданской войне; 2) их роль в войне с внешними врагами Англии.

Указав, что парламентские генералы в первые годы гражданской войны занимали примирительную позицию, сами боялись победы над королем и тем предавали дело революции, преподаватель должен остановиться на Кромвеле и его реформе армии. Кромвель не был военным по профессии, — он сделался им в ходе революции. Небогатый помещик из восточной Англии, в 1640 г. он был выбран в Долгий парламент. Он

не был выдающимся оратором. Речи его не блистали красноречием, но всегда были сильны, ясны и содержательны. Этот серьезный, даже угрюмый человек среднего роста, коренастый, с крупными чертами лица, завоевывал всё больший авторитет в парламенте. Он постепенно становится самой крупной фигурой среди индепендентского меньшинства парламента. Но для него было ясно, что не в парламентских заседаниях, не в переговорах с королем, а на поле сражений должна решиться участь революции, и все свои силы он устремил на организацию победы. С самого начала гражданской войны Кромвель принимает личное участие в военных действиях, выделяется как храбрый и находчивый офицер. Участие в боях позволяет ему увидеть недостатки в организации парламентской армии и наметить пути к укреплению ее мощи. По его настоянию было назначено новое командование и произведена реформа армии, начатая в 1644 г. и завершенная в 1645 г. Надо указать на ряд особенностей реорганизованной Кромвелем армии: 1) надо отметить демократизацию состава армии, основная масса которой составилась из крестьян и ремесленников, а среди офицеров преобладали мелкие дворяне, причем путь к командным должностям был открыт для людей всех сословий: например, полковник Прайд (производивший „чистку" парламента) был извозчиком, полковник Гьюсон — сапожником, полковник Ренсберо — шкипером, полковник Гаррисон — писцом у адвоката, полковник Фокс — котельщиком; 2) Кромвель старался подбирать в армию своих единомышленников — людей революционно настроенных, убежденных в правоте своего дела и в необходимости решительной победы над королем; 3) в армии высоко стояла политическая сознательность — особенно с того времени, как после победы над королем, она стала главной политической силой в стране: в „Армейском совете" армия получила свой политический орган (1647); 4) в армии Кромвеля поддерживалась суровая, но сознательная дисциплина, тяжелые наказания налагались за грабеж и насилие над мирным населением; 5) Кромвель ввел в своей армии передовые по тому времени приемы военной техники, заимствованные из опыта 30-летней войны, особенно у Густава-Адольфа. Рядом с улучшением силы ружейного огня и полевой артиллерии, новая военная техника вводила стремительные кавалерийские атаки развернутым строем (раньше кавалерия имела глубокое построение и шла в атаку рысью). Кромвель выдвинулся как кавалерийский генерал и обращал особое внимание на организацию кавалерии. Его кавалерия решила дело в ряде сражений. О других сторонах реформы достаточно сказать то, что дано в учебнике. Надо подчеркнуть, что своими главными особенностями — демократическим составом, революционным духом и политической сознательностью, строгой дисциплиной и передовой техникой — армия английской революции похожа и на другие революционные армии нового времени (на армию французской революции и на Красную Армию). Эти качества создали ей

перевес над разнузданными полчищами реакции, державшимися лишь на палочной дисциплине, предводимыми феодальным дворянством. Эти качества обеспечили армии Кромвеля решительную победу над королем и сделали ее первой армией в Европе. Нет необходимости останавливаться на разборе военных действий во время гражданской войны. Но можно отметить ряд сражений, выигранных благодаря военному таланту Кромвеля. В битве при Марстон-Муре Кромвель внезапной кавалерийской атакой разгромил правый фланг роялистов, но роялисты одержали верх над Ферфаксом, атаковавшим их левый фланг, и обратили его войска в бегство. Судьба битвы была спасена находчивостью и решительностью Кромвеля, повернувшего свою кавалерию через болото против преследовавших Ферфакса роялистов. Битва закончилась полным разгромом королевской армии. Кавалерия Кромвеля, командовавшего правым флангом, решила дело при Несби, а тем самым и судьбу всей кампании. Еще более блестящей была победа при Престоне, решившая исход второй гражданской войны. С 9000 солдат Кромвель разрезал пополам и разбил 24-тысячную армию Гамильтона (1648). Во время войны с восставшими шотландцами Кромвель совершенно разгромил окружившую его вдвое более многочисленную шотландскую армию при Денбаре (1650), а через год блестящей победой при Вустере покончил с шотландским восстанием.

„Краснокафтанники" Кромвеля пользовались заслуженной репутацией лучших бойцов в Европе. Они показали себя в войне с Испанией, которой в это время принадлежали южные Нидерланды. Английские войска высадились на континенте и в битве у Дюн, пойдя в атаку вверх по крутому холму, разбили испанцев и сражавшихся вместе с ними английских эмигрантов, после чего им сдался важнейший военный порт Дюнкерк (1657). Надо отметить также и блестящие действия военного флота Английской республики, одержавшего победу над сильнейшей морской державой того времени — Голландией, и нанесшего ряд ударов Испании.

История английской революции показывает, как народная армия, спаянная революционной дисциплиной, одушевленная патриотизмом, находящаяся под командованием выдвинутого революцией великого организатора и полководца, способна преодолеть величайшие трудности, выйти победительницей из борьбы с самыми опасными врагами и вознести международное значение своего отечества на небывалую высоту.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс и *Энгельс*. Буржуазия и контр-революция, Соч., т. VII, М., 1930, стр. 49—72.

Маркс и *Энгельс*. Рецензия на брошюру Ф. Гизо „Почему удалась английская революция", там же, т. VIII, М., 1930, стр. 275—280.

Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, там же, стр. 323.

Маркс. Капитал, т. I, Предисловие к 1 изд. и гл. XXIV, там же, т. XVII, М., 1937, стр. 7, 780—835.

Энгельс. Положение Англии в XVIII в., там же, т. II, М., 1929, стр. 351—352, 355.
Энгельс. Введение к английскому изданию брошюры „Развитие социализма от утопии к науке", там же, т. XVI, ч. 2, М., 1936, стр. 297.
Энгельс. Письмо К Марксу 24 октября 1869 г., там же, т. XXIV, М., 1931, стр. 240—241.
Савин. Лекции по истории Английской революции, 2 изд., М., 1938.
Монтегю, История Английской революции, М., 1919.
Конради, История революций, т. I—II, М.-Л.

12. ПРУССИЯ В XVIII ВЕКЕ

Преподаватель должен разъяснить значение данной темы для понимания всей последующей истории Германии. Пруссия, самое реакционное государство Европы, подчинила своему полицейско-бюрократическому режиму тупой военщины и палочной дисциплины все остальные средние и мелкие германские государства. Против этого опрусачения Германии со всей энергией боролись Маркс и Энгельс в период революции 1848—1849 гг. и после нее. Прусская полуфеодальная военщина стала главной силой германского империализма, обнаружившего с самого начала особо хищнические черты. Неудивительно, что фашистская партия Германии, являющаяся партией самого хищнического и разбойничьего империализма в мире, возвела военно-полицейский и палочный режим прусской полуфеодальной верхушки в идеал государственности. Немецкие фашисты, создавшие в Германии такой дикий реакционный режим, какого не знала история, и превратившие Германию из культурной страны в логово диких зверей, всячески возвеличивают и расхваливают прусских королей и объявляют себя продолжателями их дела. Правильное освещение истории Пруссии необходимо таким образом в интересах разоблачения фашистской лжи и фашистской фальсификации истории. Необходимо выделить следующие основные вопросы данной темы:

а) о происхождении Прусского государства;

б) о мифе о военной „доблести" и „славе" прусских королей;

в) о так называемой „колонизационной" деятельности прусских королей;

г) о судьбах народных масс в обстановке прусского деспотизма.

Казенные прусские „историки", а также немецкие „историки", продавшиеся фашистам, всячески стараются убедить читателей, будто прусское королевство достигло своего внешнего и внутреннего могущества благодаря великой доблести, прилежанию и государственной мудрости своих королей, сумевших собрать отдельные провинции и земли в одно централизованное государство. Эта легенда была разоблачена Марксом, показавшим, что Пруссия создавалась самыми подлыми, самыми отвратительными феодальными методами, какие только знает история средневековья. В одном из своих писем Маркс писал по этому вопросу: „Мелкие кражи, подкупы,

прямая купля, кляузы с наследствами и т. д.— вот к какой дряни сводится прусская история. Все, что обыкновенно интересно в феодальной истории,— борьба сюзерена с вассалами, интриги с городами и т. д.— все это здесь в карликово-карикатурном виде, потому что города мелочно-скупы, феодалы паршиво незначительны и сам государь ничтожен"[1]. Дальше в том же письме Маркс дает исчерпывающую характеристику личностей прусских королей и их методов „государственного" строительства: „...в списке правителей всегда лишь три характерных типа, которые чередуются, как день и ночь: ханжа, унтер-офицер и дурак; неправильности выражаются лишь нарушением очереди, но отнюдь не появлением нового типа. Государство держалось только при помощи посредственности — „aurea mediocritas" тщательной бухгалтерии, отсутствия крайностей, точности военного регламента, известной доморощенной пошлости и „церковного устава" C'est degoutant (это отвратительно)!"[2]

Такова характеристика, данная Марксом прусской государственности и ее деятелям, которых фашисты изображают как идеал, достойный подражания. Фактическая история сложения прусского королевства полностью подтверждает эту характеристику. Как известно, королевством Пруссия сделалась с 1701 г. До этого земли, входившие в ее состав, назывались Бранденбургским курфюршеством и состояли с начала XVII века (1618 г.) из двух частей: собственно Бранденбурга и присоединенного к нему герцогства Прусского, возникшего, как светское государство, в 1525 г. из земель Прусского или Тевтонского ордена. Вопрос о возникновении прусской монархии сводится таким образом прежде всего к вопросу о возникновении Бранденбургского курфюршества и герцогства Прусского в отдельности, а затем — к вопросу об их объединении в одно государство, ставшее затем королевством.

Для понимания истории Бранденбурга необходимо напомнить учащимся, что это — исконная славянская земля, захваченная и покоренная самым варварским путем немецкими феодалами.

В XIII и XIV веках Бранденбург стал привлекать к себе внимание разных крупных феодальных родов наличием в нем торговых путей, связывавших реку Эльбу со славянским Востоком и сделавших эту страну чрезвычайно выгодной и доходной для ее маркграфов. В начале XV века Бранденбург достался Гогенцоллернам в результате ряда хитрых денежно-ростовщических махинаций.

Такими же методами попала в руки Гогенцоллернов и другая составная часть прусской монархии — герцогство Прусское.

Превращение бранденбургско-прусских Гогенцоллернов из герцогов в королей произошло в результате применения ме-

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XXII, стр. 166.
[2] Там же.

тодов подкупа и шантажа. Бранденбургско-прусское государство стало королевством прусским при Фридрихе I в 1701 г. с разрешения германского императора Леопольда, оказавшегося в затруднительном положении в связи с начавшейся войной за испанское наследство. Фридрих I дал императору для войны 30 000 бранденбуржцев и, таким образом, жизнью своих подданных купил себе королевский титул.

Возникновение прусской монархии связано с актами вероломства, обмана и подкупа. Рост этого государства как в период курфюршества, так и после превращения его в королевство, происходил при помощи тех же средств. Рассказы о военной доблести прусских королей представляют собою миф, основанный на подмене военного героизма военными парадами и палочной дисциплиной, возведенной в систему. Старые прусские историки и их фашистские подражатели изо всех сил возвеличивают Фридриха Вильгельма, так называемого „великого курфюрста", добившегося ряда военных успехов. Однако в действительности Фридрих Вильгельм обязан своими успехами больше всего своей предательской дипломатии и ряду актов вероломства и обмана по отношению к своим союзникам. Он не упускал случая воспользоваться соперничеством Швеции, Польши, Дании и России для укрепления своих позиций на Балтийском море. Свою армию он держал не для смелых атак, а для того, чтобы присоединяться к сильнейшей стороне и участвовать в дележе добычи. При этом он не останавливался и перед тем, чтобы в одной войне несколько раз менять свою ориентацию.

По поводу этих предательств Фридриха Вильгельма и его преемников Маркс писал в статье о Гогенцоллернах: „Кто не знает вероломства, коварства, мошенничеств с наследствами, благодаря которым возвысилось то семейство капралов, которое носит имя Гогенцоллернов? Всякий знает, как так называемый „великий курфюрст" (точно какой-нибудь „курфюрст" может быть „великим") совершил свое первое предательство по отношению к Польше: союзник Польши против Швеции, он внезапно перешел на сторону шведов, чтобы тем основательнее ограбить Польшу по Оливскому миру"[1].

Такую же предательскую политику проводил Фридрих Вильгельм и в 70-х годах XVII века в войнах Франции с Голландией и в других международных конфликтах. Так же действовали и другие Гогенцоллерны. Не составлял исключения и Фридрих II, которого прусская военщина и бюрократия наделили титулами: „великий" и „единственный". Маркс всегда подчеркивал ложность его военной славы. Кроме Силезии, у него не было никаких настоящих завоеваний. „Вероятно потому,— писал Маркс по этому поводу,— что это его *„единственное"* завоевание, Фридрих II и называется „единственным". В основном же Фридрих II действовал также подкупом

---

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. VII, стр. 387.

и обманом, мошенничеством и шантажем. Военная тактика Фридриха II заключалась прежде всего в том, чтобы обеспечить себе в начале войны лучший плацдарм путем внезапного нападения без объявления войны. Этот метод был применен Фридрихом II как при его нападении на австрийскую Силезию, так и в начале Семилетней войны 1756—1763 гг., когда его войска вторглись в Саксонию, избранную им как исходный пункт для нападения на Австрию. Однако во время Семилетней войны этот метод обеспечил за Фридрихом II успех только в первых сражениях, пока он имел дело с изолированными силами Австрии и Франции. С лета 1757 г. после того, как в бой вступили русские войска, положение изменилось. Фридрих II явно недооценил силу русских войск. Он вел интриги при русском дворе, где имел агентуру шпионов и предателей. Но русская армия, пополнявшаяся рекрутскими наборами из крестьянских масс, сделалась, в отличие от прусского наемного войска, национальной армией, храбрость которой шла часто дальше планов командования. Одержав ряд побед уже в 1757 и 1758 гг. и оккупировав ряд прусских областей, русские войска в августе 1759 г. полностью разгромили прусскую армию при Кунерсдорфе, *а в октябре 1760 г. заняли Берлин.* В 1761 г. Фридрих стоял перед перспективой полной катастрофы. Спасла Фридриха деятельность прусской агентуры при петербургском дворе, усилившейся после смерти Елизаветы Петровны и вступления на престол Петра III в 1762 г.

Маркс справедливо приходит к выводу, что нет ничего более ошибочного, как то утверждение, будто Пруссия составилась из завоеваний — военной силой. Неудивительно, что современные фашистские вояки, бахвалящиеся легкими победами и стремящиеся выиграть войну в результате актов вероломства, зверства и разрозненности противников, видят в пошлых фигурах грубых прусских королей своих предшественников.

Такими же преувеличенными и ложными являются рассказы о „подвигах“ и „государственной мудрости“ прусских королей при проведении ими колонизационной политики. Известно, что колонизацией усердно занимались все прусские курфюрсты и короли, начиная с курфюрста Фридриха-Вильгельма. С особой энергией методично проводил политику заселения страны и основания деревень Фридрих II. При нем число его подданных увеличилось на 300 000, а в общем к концу его царствования $^1/_3$ населения страны состояла из переселенцев. Прусские короли привлекали переселенцев из разных стран Европы. Ввиду того, что большие кадры переселенцев дали массы, пострадавшие от религиозных преследований, то прусские колонизаторы проводили, хотя и весьма непоследовательно, политику религиозной терпимости. Одним словом, они призывали в страну и в ее отдельные провинции огромные массы переселенцев, принадлежавших к разным на-

родам и религиям, и привлекали их к сельскохозяйственному и промышленному труду и т. д. Понятно, что апологеты прусских королей восхваляют эту их деятельность и выставляют ее как высокую форму культурного и государственного строительства. Поэтому необходимо подчеркнуть, что прусские монархи исходили в своей колонизаторской деятельности из „тщательной бухгалтерии" и точного расчета ростовщика о том, какой доход даст их казне каждый переселенец и насколько из их общей массы составится та послушная армия, которая сделается в их руках орудием предательской дипломатии и вероломной внешней политики. Таков истинный характер колонизаторской деятельности части прусских монархов. То же следует сказать и о так называемой политике „защиты крестьянина" и „патриархального" отношения к народу вообще. Проводя в отношении крестьянской массы режим крепостного права и барщины, Фридрих II боялся, что в результате произвола помещиков может вовсе исчезнуть крестьянское сословие, которое он считал не только источником для вербовки солдат, но и основой полицейско-бюрократического режима, требующего порабощенной массы подданных. В связи с этим он пытался некоторыми куцыми законодательными актами ограничить возможность для помещиков сносить старые крестьянские дворы. Эта-то политика и изображается апологетами этого деспота как „патриархальное отношение к народу". Маркс высмеивал эти рассуждения и охарактеризовал „истинный народный суверенитет", на который опирался Фридрих II, как „народный суверенитет палки, крепостного права и барщины".

Немецкие фашисты обирают и грабят народные массы в интересах разбойничьего империализма. Крестьянскую массу они рассматривают как основной источник поставок пушечного мяса и безмолвных автоматов для своей грабьармии. Вместе с тем они одеваются в тогу националистов и демагогически заявляют о „патриархальности" гитлеровской политики и о том, что она опирается на „народ". Как же им после этого не хвалить прусских королей и не провозглашать себя их продолжателями?

ЛИТЕРАТУРА

Маркс и *Энгельс*. Согласительные дебаты о предложении Якоби, Соч., т. VI, стр. 303, 307.

Маркс и *Энгельс*. Прения по польскому вопросу во Франкфурте, Соч., т. VI, стр. 371, 372, 373.

Маркс и *Энгельс*. Подвиги Гогенцоллернов, Соч., т. VII, стр. 387 и след.

Маркс и *Энгельс*. Божественное право Гогенцоллернов, Соч., т. XI, ч. I, стр. 72 и след.

Маркс и *Энгельс*. Регентство в Пруссии, Соч., т. XI, ч. I, стр. 437 и след.

Лависс Э. Очерки по истории Пруссии.

Меринг Ф. История Германии с конца средних веков.

История средних веков, т. II, под ред. проф. *С. Д. Сказкина* и *О. Л. Вайнштейна*.

EB_1942_AKS_818

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. 3
1. Древние германцы, древние славяне и падение Римской империи. 9
2. Славянские государства в раннее средневековье 12
3. Европа и Азия в раннее средневековье (V—VI века) 16
4. Народы Средней Азии в эпоху средних веков. 19
5. Германская империя в средние века. 26
6. Немецкая агрессия на Восток в XII—XIV веках. 32
7. Англия XII — XV веков. 39
8. Жанна д'Арк. 41
9. Чехия XII—XV веков. 44
Начало нового времени 49
10. Нидерландская революция 49
11. Английская буржуазная революция XVII века 52
12. Пруссия в XVIII веке 57

75 к.

9 Г65

Ак Р
6367
В. 2.